

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

**Актуальные проблемы
противодействия коррупции**

*Сборник научных работ
студентов 2 курса
магистерской программы
«Правовые основы
противодействия коррупции»*

Выпуск 11

Тверь 2026

УДК 343.352+343.85(082)

ББК Х408.123.4я43

А 43

Ответственный за сборник:

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета Н.А. Антонова

Актуальные проблемы противодействия коррупции: сборник научных работ студентов 2 курса магистерской программы «Правовые основы противодействия коррупции». Выпуск 11. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2026. – 90 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи магистрантов, обучающихся по направлению «Правовые основы противодействия коррупции».

Научные работы обучающихся посвящены актуальным вопросам противодействия коррупции. Издание предназначено для широкого круга читателей, в том числе студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников и всех интересующихся вопросами противодействия коррупции.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры конституционного, административного и таможенного права от 6 мая 2026 г. (протокол № 9).

УДК 343.352+343.85(082)

ББК Х408.123.4я43

© Авторы статей, 2026

©Тверской государственной
университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бердюгин А.И.</i> Основные характеристики коррупционной преступности	4
<i>Евсеев А.Л.</i> Конфликт интересов на публичной службе в Российской Федерации: понятие, содержание и предпосылки возникновения.....	11
<i>Зарыпов А.М.</i> Тактические и организационные особенности расследования злоупотребления должностными полномочиями.....	21
<i>Зиннуров Ю. Р.</i> Противодействие коррупции в сфере военной службы в период с 1917 года по сегодняшний день.....	32
<i>Кольшикин К.Б.</i> Понятие антикоррупционной политики в контексте деятельности судов.....	39
<i>Корсаков А.А.</i> Теоретические и правовые основы конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.....	43
<i>Короткова А.С.</i> Меры и средства противодействия коррупции в системе органов внутренних дел.....	49
<i>Никитенков А.С.</i> Правовые основы противодействия коррупции в период Российской империи: от Петра I до Екатерины II.....	60
<i>Писарев А.С.</i> Соотношение понятий «коррупциогенные факторы» и «коррупционные риски».....	68
<i>У.М. Рябчикова</i> Общесоциальные направления как основа системного противодействия коррупции.....	74
<i>Рядков Р. Р.</i> Институциональный механизм и инструменты контроля в сфере государственных закупок.....	82
<i>Чупанов И.Ю.</i> Роль актов и правовых позиций Конституционного Суда РФ в конституционализации правовых механизмов антикоррупционной деятельности.....	89

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Бердюгин А.И.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, доцент Н.А. Антонова

В статье проводится исследование количественных и качественных характеристик преступности: ее уровня, динамики, географии, а также структуры и характера. Проводится комплексный анализ этих показателей в сочетании с изучением личности преступника для оценки масштабов и специфики коррупции. Оценивается влияние общественно-политической обстановки на указанные характеристики. Также проводится анализ динамики коррупционной преступности в Тверской и Московской областях по имеющимся статистическим данным.

***Ключевые слова:** коррупционная преступность, коэффициент преступности, преступления коррупционной направленности, динамика преступности, основные характеристики*

Одним из наиболее опасных явлений современной России является коррупционная преступность. Её количественная и качественная составляющие относятся к разновидностям основных характеристик. Однако имеет место ряд разногласий о том, какие показатели считать количественными, а какие качественными, а также о названии некоторых показателей.

Наиболее приемлемой и точной является позиция М. Штульберга: количественными показателями являются уровень, динамика и география преступности, а качественными – структура и характер преступности [2].

Смещая акцент на изучение количественных характеристик коррупционной преступности, следует остановиться на элементах количественной характеристики преступности в целом.

Так, основным показателем количественной характеристики служит «уровень» преступности, который необходим для отражения количества зафиксированных преступлений на конкретной территории за определенный отчетный период.

Уровень преступности допустимо измерять в абсолютных и относительных значениях. Под абсолютным значением следует понимать простое количество преступлений (зарегистрированных). Расчёт относительных значений может варьироваться в сопоставлении с чем-либо. Самым наиболее часто используемым способом можно считать расчет коэффициента.

Коэффициент уровня преступности вычисляется относительно численности населения. Он позволяет выявить, сколько преступников приходится на конкретное количество граждан, что делает возможным

сравнение уровня преступности на территориях с разной населенностью. Данный коэффициент можно рассчитать по следующей формуле:

K (коэффициент) = $(\Pi \times 100\ 000) : Н$.

Π – количество зарегистрированных преступлений

$Н$ – численность населения.

Спорным является поредение численности населения в Д: © А.И. Бердюгин, 2026
Наиболее оправдано следовало бы учитывать только ча достигшую возраста наступления уголовной ответственности за совершение преступлений. Но, поскольку невозможно определить точное количество людей на конкретной территории на момент проведения подсчетов (например, к концу года), достигших этого возраста, а также не лишенных дееспособности по различным причинам, остается использовать общие статистические данные о количестве населения в определенной местности.

В качестве примера можно привести сравнение уровня коррупционной преступности в г.г. Москве и Твери. Общеизвестно, что в г. Москве проживает гораздо больше людей, чем в г. Твери. Это имеет прямое влияние на то, что абсолютные показатели уровня преступности в г. Твери кратно ниже столичных. Тем не менее, при расчёте относительного значения – коэффициента преступности, будет заметна более высокая интенсивность преступности в г. Твери.

Так, за 2025 год в г. Москве было зарегистрировано 2400 преступлений коррупционной направленности, в г. Твери – всего 800, но при пересчете на количество жителей в этих городах за 2025 год, то есть при вычислении коэффициента преступности, получим 1,8% и 18,8% соответственно.

Показатель «динамика» преступности позволяет анализировать особенности поведения преступности с течением времени с помощью наблюдения за изменениями ее уровня.

Так, необходимо провести количественный анализ преступности на примере Московской и Тверской областей на основе иллюстративного материала и данных, взятых с официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации [3].

За 2021 год в Тверской области зарегистрировано 20583 преступлений, а по состоянию на декабрь 2022 года – 21352.

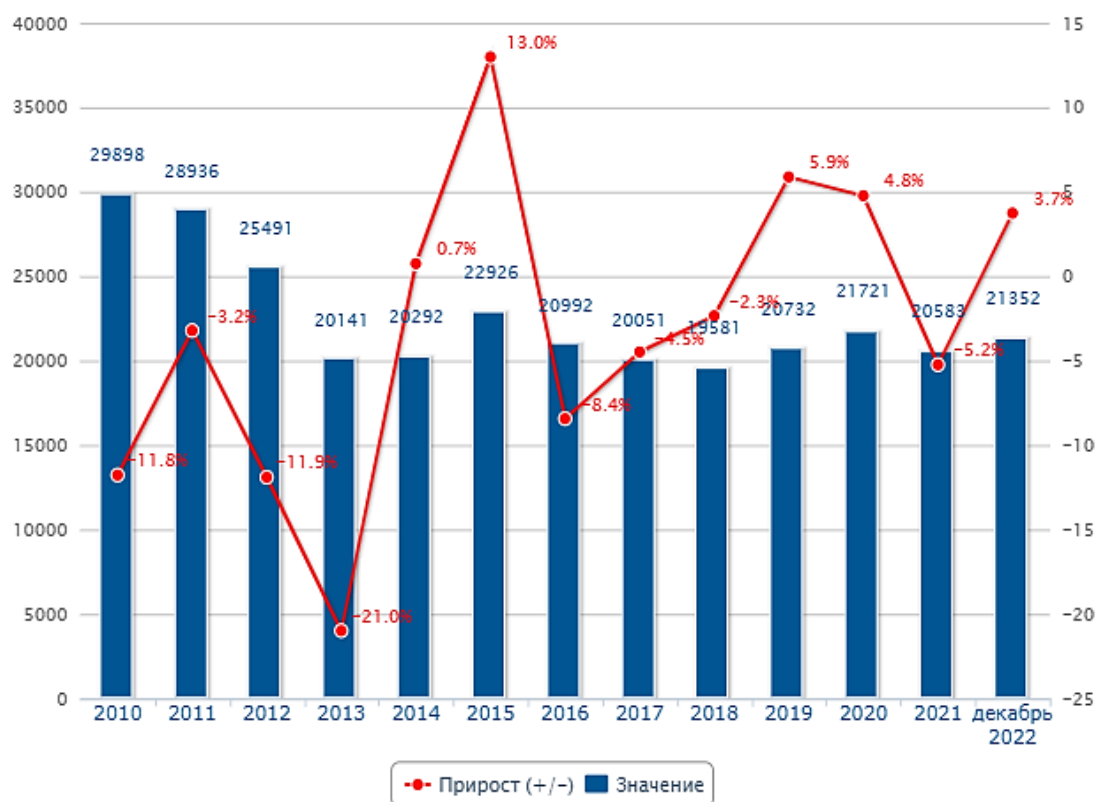

Рисунок 1 – Количество зарегистрированных преступлений в Тверской области

В Московской области за 2021 год выявлено 73780 преступлений, к декабрю 2022 года – 74054.

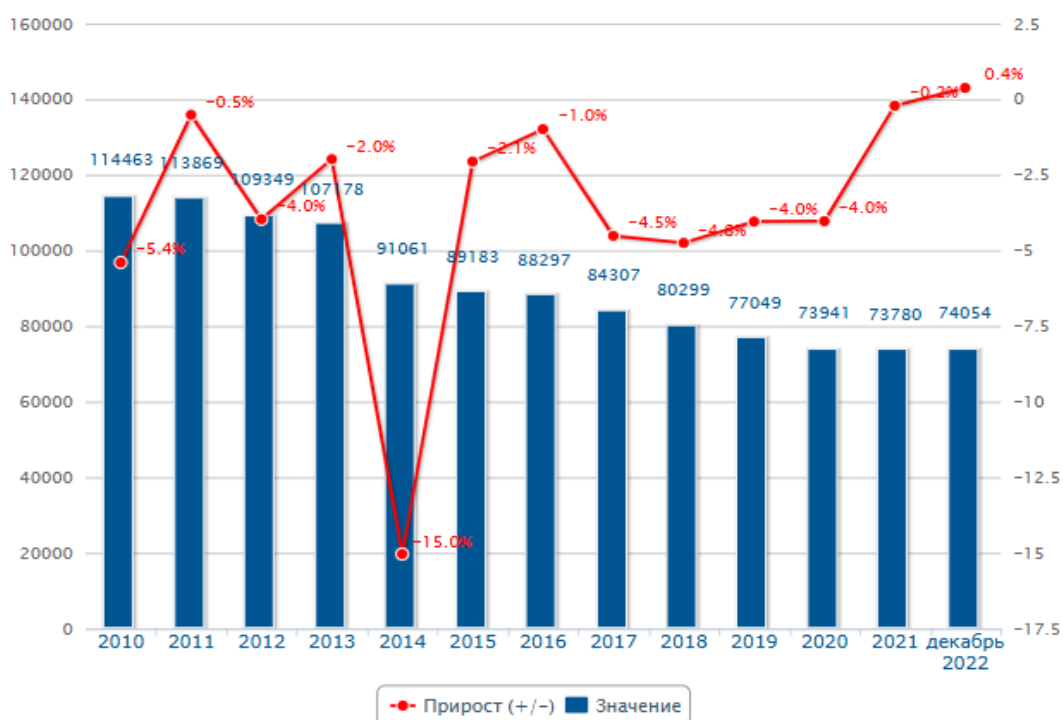

Рисунок 2 - Количество зарегистрированных преступлений на территории Московской области

На обоих графиках виден рост числа преступлений к 2022 году: в Тверской области фактически их выявлено значительно меньше. Но если пересчитывать коэффициент преступности в зависимости от численности населения, получится следующие показатели: в Тверской области - 5,03%, в Московской - 0,59%.

Далее на примере вышеуказанных областей рассмотрены количественные показатели преступлений, отнесенных к статьям 285 и 290 УК РФ.

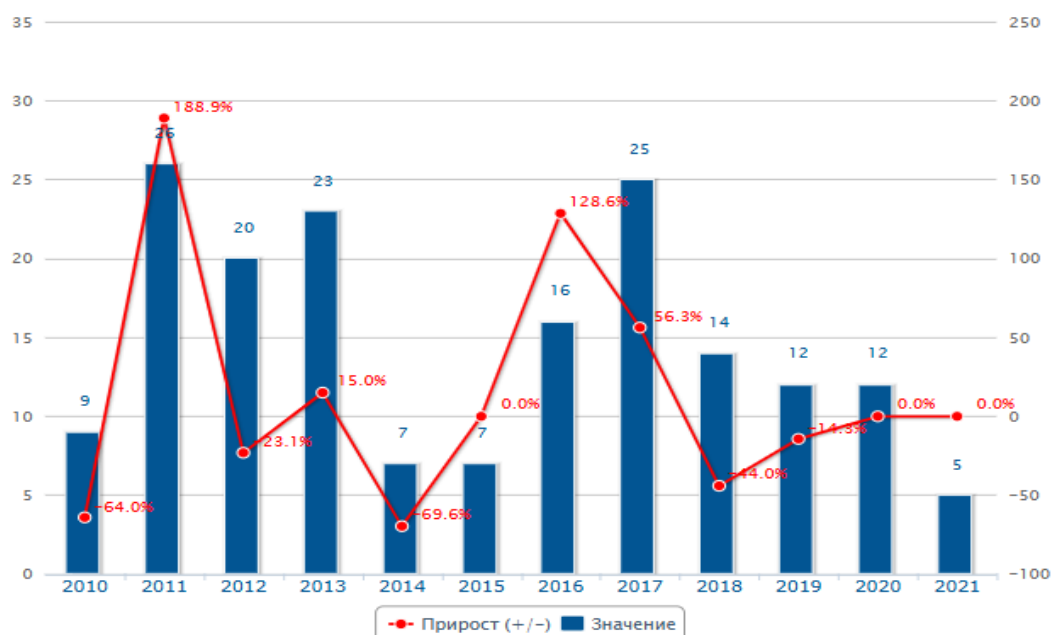

Рисунок 3 - Количество зарегистрированных преступлений по ст. 285 УК РФ на территории Тверской области

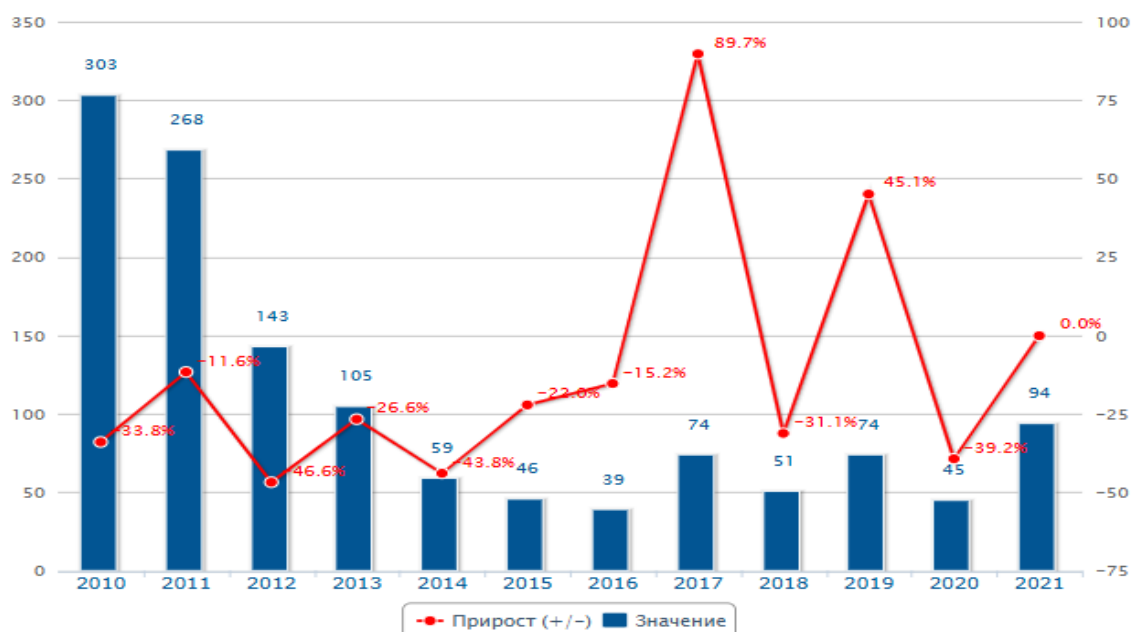

Рисунок 4 - Количество зарегистрированных преступлений по ст. 285 УК РФ на территории Московской области

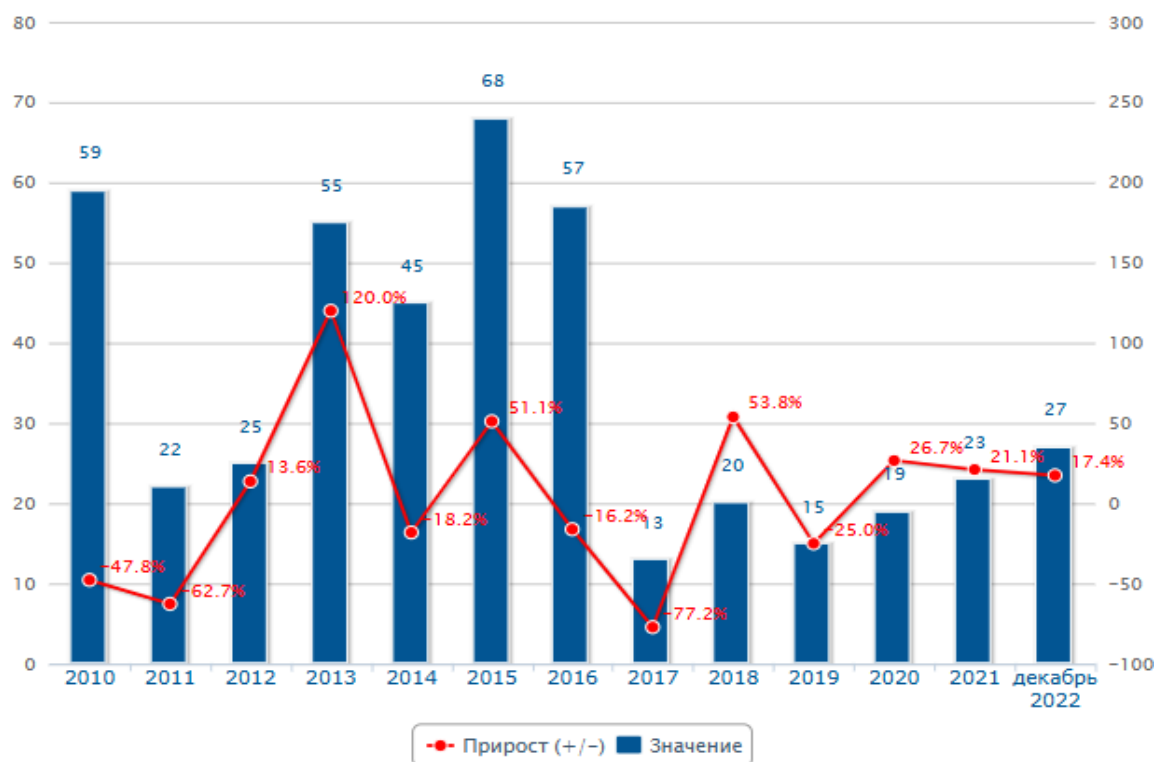

Рисунок 5 - Количество зарегистрированных преступлений по ст. 290 УК РФ на территории Тверской области

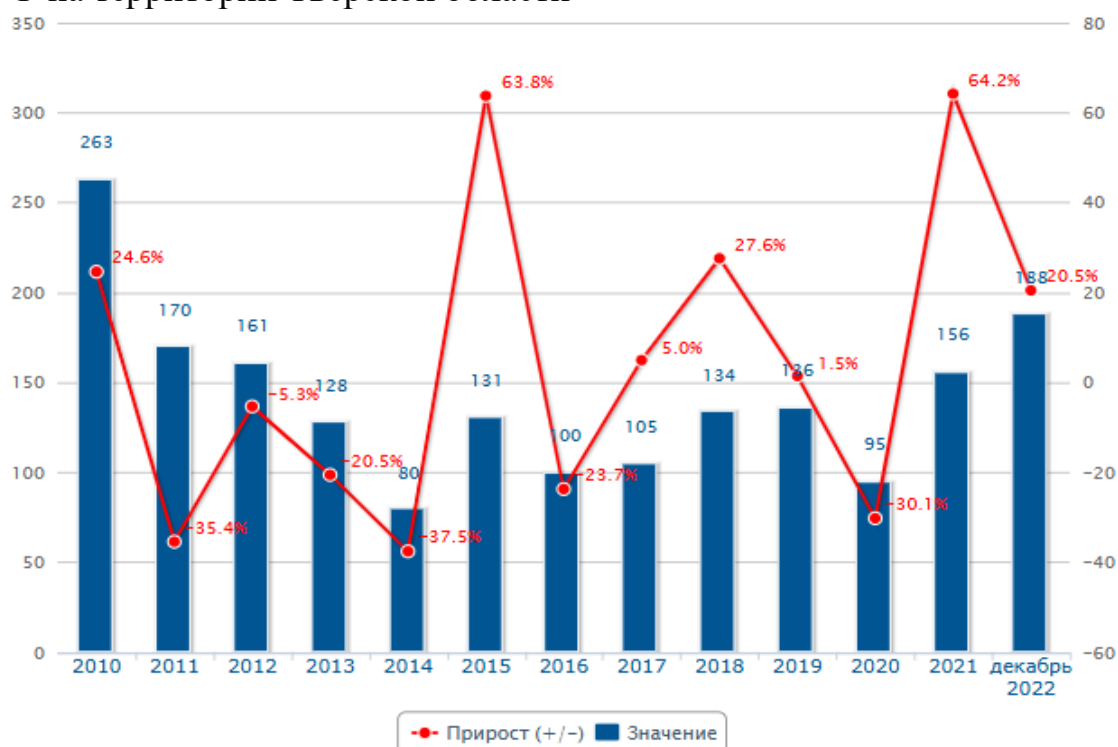

Рисунок 6 - Количество зарегистрированных преступлений по ст. 290 УК РФ на территории Московской области

По статьям коррупционной направленности в Тверской области регистрируется стабильно меньше преступлений, чем в столичном регионе. Если высчитывать коэффициент преступности, то по статье 285 УК РФ на

2021 год: в Тверской области - 0,12%, в Московской - 0,074%, статье 290 УК РФ на конец 2022 года: в Тверской области - 0,6 %, в Московской - 0,13%. При существенной разнице в количестве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, а также при общей тенденции к его снижению с 2010 года, коэффициент преступности в Тверской области по обеим статьям остается более высоким. Но 2010 по 2022 годы заметен ощутимый рост количества преступлений, относимых к статье 290 УК РФ, в обеих областях, что, с одной стороны, может говорить о возрастании количества получаемых взяток, а с другой – об увеличении регистрации правоохранителями количества преступлений, что является положительным моментом. Также в 2021 году относительно 2020 года в Московской области виден рост должностных преступлений наравне с его снижением в Тверской, где, к сожалению, стабильно сохраняется больший коэффициент преступности.

Наиболее верным будет являться утверждение, что такие показатели объясняются ростом количества населения в Московской области и его уменьшением в Тверской. В свою очередь, более высокий уровень преступности в Тверской области может являться следствием низкого благосостояния населения относительно московского.

Качественными характеристиками преступности считаются ее структура и характер.

Структура преступности представляет собой соотношение видов преступлений или типов преступников в общем объеме зарегистрированных нарушений за определенный период на конкретной территории.

Работа с качественными характеристиками преступности сопряжена с принципиальной невозможностью формализовать определение ее характера, так как не существует ни автоматизированных способов получения ответа, ни универсальной расчётной формулы. Решение задачи в данном случае требует глубокого анализа структуры преступности и нестандартного подхода к трактовке выявленных особенностей.

Именно поэтому структура преступности должна рассматриваться и изучаться детально. Структурирование может осуществляться по широкому спектру признаков и предполагает разнообразие методических решений.

Характеристика коррупционных преступлений неизбежно включает исследование личности субъекта противоправной деятельности. Человек становится преступником под влиянием негативных обстоятельств как внешних, так и внутренних, под которые он попадает ввиду своих морально-психологических особенностей. Характер этого влияния и реакция на него определяются нравственными воззрениями, интеллектом и эмоциональным состоянием личности.

В контексте коррупционных преступлений личность преступника также определяется как комплекс социально-значимых свойств, сложившихся в

процессе государственной или общественной деятельности и предопределивших противоправное поведение. Основную группу в данном случае составляют должностные лица, обладающие властными полномочиями либо исполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. К этой категории лиц можно отнести представителей власти, сотрудников государственных органов, органов местного самоуправления, воинских формирований нашей страны [4]. Последние, согласно статистическим данным, стали совершать большее количество коррупционных преступлений после событий 2022 года, так как возникли новые коррупционные схемы, связанные с уклонением от частичной мобилизации [1].

Это иллюстрирует факт того, что личность преступника может меняться и по-разному раскрываться в зависимости от внешних обстоятельств, таких как, например, текущее положение государства.

Таким образом, основными количественными и качественными характеристиками коррупционной преступности можно считать уровень, динамику, географию преступности, а также ее структуру и характер. Анализ этих показателей в сочетании с изучением личности преступника позволяет получить комплексное представление о масштабах и специфике коррупции.

Несмотря на то, что основные элементы коррупционной преступности определяются одинаково, их характеристики меняются в зависимости от сложившейся общественно-политической обстановки в стране.

Список литературы

1. Доклад «Состояние коррупции и антикоррупционная активность в субъектах Российской Федерации в условиях СВО» // Центр политической информации. Москва. 2026 год. 58 с.

2. Штульберг М. Современное состояние коррупции в Российской Федерации: качественная и количественная характеристика / М. Штульберг // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г. : в 2-х томах. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. — Т. 1. — С. 98.

3. Портал правовой статистики. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 04.02.2026).

4. Фоменко Е.В. Правовые основы противодействия взяточничеству: учебник для вузов // Издательство Юрайт. 2025. С. 68.

Об авторе:

БЕРДЮГИН Анатолий Иванович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

А.Л. Евсеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В настоящей работе проводится комплексный анализ конфликта интересов в системе публичной службы Российской Федерации. Предметом исследования выступает сущность конфликта интересов, его нормативно-правовое закрепление в действующем законодательстве, а также доктринальные подходы к его определению и механизмам урегулирования в рамках публичной службы. Исследование включает анализ институциональных и личностных основ возникновения конфликта интересов. Значительное внимание уделяется исследованию нормативно-правовой базы противодействия конфликту интересов на публичной службе, прежде всего, Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В ходе исследования выявлены формы проявления конфликта интересов на публичной службе, а также систематизированы объективные и субъективные факторы его возникновения.

Ключевые слова: конфликт интересов, публичная служба, коррупция, противодействие, законодательство, должностное лицо.

На сегодняшний день проблема конфликта интересов на публичной службе в Российской Федерации исследована неполно и представляет собой сложную практическую и теоретическую проблему, поскольку его юридическая характеристика неоднозначна, что позволяет данной проблематике быть в настоящее время актуальной.

Данный конфликт является предпосылкой коррупционной составляющей, чему государство активно противодействует последние десятилетия. Однако, коррупция в России по прежнему является основной негативной характеристикой системы государственного управления, которая препятствует социально-экономическому развитию страны.

Как показывает практика, в основе правонарушения находится конфликт интересов лиц, занимающих публичные должности в системе публичной службы и обладающих в связи с предоставленными им государством полномочиями влиянием, которое может быть использовано ими в личных интересах, в том числе вопреки интересам государства.

Особое внимание на это обратил Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2015 году в Послании Федеральному Собранию [1]. Он подчеркнул, что вопросы противодействия коррупции действительно волнуют общество: «Сегодня чиновники, судьи, правоохранители, депутаты всех уровней обязаны представлять декларации о доходах и расходах, о наличии недвижимости и активов, в том числе зарубежных. Теперь раскрытию будет подлежать и информация о контрактах, подрядах, которые

государственные и муниципальные служащие планируют заключать с фирмами своих родственников, друзей и близких лиц. Ситуация, в которой есть признаки личной заинтересованности, конфликта интересов, мгновенно попадет в зону повышенного внимания контролирующих и правоохранительных органов, а также, гражданского общества»

Несмотря на наличие исследовательских трудов по данному вопросу в отечественной науке, стоит отметить, что вопрос является все еще не до конца решенным и весьма интересным. Данная ситуация свидетельствует о необходимости постоянного мониторинга и дальнейшего исследования возможного изменения конфликта интересов на публичной службе.

Прежде чем начать говорить о понятии и содержании конфликта интересов в системе публичной службы Российской Федерации, стоит начать с определения понятий «конфликт интересов» и «публичная служба».

В первую очередь, говоря о публичной службе, стоит отметить, что дефиниция данного понятия в системе российского законодательства отсутствует. Однако, в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации (далее - Конституция) были внесены важные изменения, направленные на единение, централизацию и укрепление власти. Так, в части 3 статьи 132 Конституции обозначено, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [2].

Указанное конституционное положение нашло свое дальнейшее отражение в принятом в скором времени после внесенных изменений в Конституцию Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ где закреплено, что «федеральные органы осуществляют свои полномочия на территориях субъектов Российской Федерации не только во взаимодействии с региональными государственными органами, но и с существующими на этих территориях органами местного самоуправления» [3].

Таким образом, публичная власть – это не только государственная власть. Своя публичная власть существует в муниципальных образованиях, ее осуществляет народ, и такая власть не является государственной властью. Официальное определение системы публичной власти закреплено в ст. 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ где указано, что «под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных

пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» [4].

Таким образом, в данном определении речь идет о совокупности различных органов, которые входят в единую систему публичной власти.

Так Е. М. Патова и Л. А. Казакова выделяют некоторые признаки публичной власти, а именно:

– общедоступность: каждый член общества имеет возможность участвовать в реализации той или иной формы власти (государственная власть (федеральная и на уровне субъекта Российской Федерации), власть местного самоуправления; законодательная, исполнительная, судебная власть;

– публичная власть осуществляется как народом непосредственно, так и его частью, проживающей на конкретной территории, а также через специально создаваемые органы народного представительства и систему государственных и муниципальных органов, а также органов местного самоуправления [5].

Таким образом, государственное и муниципальное управление является механизмом реализации публичной власти. Государственные и муниципальные служащие обеспечивают исполнение полномочий государственных органов и органов местного самоуправления. Следовательно, их объединяет единая правовая природа – реализация публичной власти, что позволяет рассматривать государственную службу и муниципальную службу в одном понятии – публичная служба.

Таким образом, можно сказать, что публичная служба – это профессиональная деятельность государственных и муниципальных служащих, а также лиц, замещающих государственные и муниципальные должности на государственной и муниципальной службе [5].

Анализируя понятие конфликт интересов, стоит отметить, что оно является сложным и многозначным по своему содержанию, которое можно встретить как в зарубежном, так и отечественном законодательстве.

Так, конфликт интересов представляет собой явление, в высокой мере обусловленное недостатками юридической техники, имеющими место в рамках существующих нормативных правовых актов о государственной и муниципальной службе в Российской Федерации. Если конфликт не будет вовремя урегулирован, то это может поставить под угрозу правовые и организационные аспекты государства, что чревато негативными последствиями.

В Российской Федерации понятие «конфликт интересов» закреплено в действующем Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (далее – Закон «О противодействии коррупции»), где

в пункте 1 статьи 10 указано, что это «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [6].

В пункте 2 статьи 10 Закона «О противодействии коррупции» раскрывается понятие личной заинтересованности, а именно, что это «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями».

В то же время, как указывает А.В. Кудашкин и Т.Л. Козлов, данный институт не является для российского законодательства новеллой, поскольку, применительно к служебным отношениям, урегулирован в Федеральных законах от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7] (далее – Закон «О гражданской службе»), от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8] (далее – Закон «О муниципальной службе»).

Некоторые исследователи полагают, что конфликтом интересов будет являться купля-продажа или другие формы эквивалентного обмена государственно-властных полномочий с целью получения материальных или других социально значимых благ. Во всех случаях конфликта интересов властные полномочия используются государственными и муниципальными служащими в личных интересах [9].

По мнению М.Г. Потапова, конфликт интересов это противоправные действия субъекта, направленные на удовлетворение его корыстных, незаконных потребностей, противоречащим, нарушающим нормы права с использованием своего служебного, должностного положения (статуса) [10].

Гуляева И.А. определяет конфликт интересов как ситуацию, возникающую вследствие заинтересованности государственного служащего, когда он оказывает определенное влияние на выполнение своих

должностных обязанностей. В такой ситуации возникает противоречие между личной заинтересованностью должностного лица и интересами населения, что приводит либо к причинению вреда государству в целом, либо организациям и гражданам – в отдельности [11].

Таким образом, можно сказать, что конфликт интересов в системе публичной службы это ситуация, при которой личная заинтересованность государственного или муниципального служащего, а также лица, замещающего государственную и муниципальную должности, направлена на удовлетворение его корыстных, незаконных потребностей, противоречащим, нарушающим нормы права с использованием своего служебного, должностного положения.

В этой связи государство призвано установить необходимый баланс в таких правоотношениях, урегулировать возникший конфликт интересов антагонистических субъектов, обеспечить беспристрастную и надлежащую возможность реализации их прав и обязанностей.

Как замечает А. С. Телегин: «государство не является физически осязаемым субъектом, свои полномочия оно реализует через публичную власть, для чего необходимо согласованное функционирование органов государства (федеральных и региональных) и органов местного самоуправления на всех уровнях социально-экономического развития» [12].

Основу названных органов составляют люди, которые в силу своих социально-биологических особенностей часто подвержены влиянию субъективных факторов, не позволяющих в полной мере реализовать цели и задачи, поставленные государством. В этой связи исследование предпосылок возникновения конфликта интересов применительно к публичной службе в Российской Федерации является приоритетным направлением совершенствования деятельности органов публичной власти.

Однако, по мнению ряда исследователей, несмотря на законодательное закрепление дефиниции понятия «конфликт интересов» в Законе «О противодействии коррупции», в научной литературе отсутствует единый подход к сущностному пониманию правовой природы и значения данного явления [13].

При анализе Закона «О противодействии коррупции» можно сделать вывод, что конфликт интересов является по своей природе правоотношением, возникновение которого обусловлено целым рядом факторов субъективного и объективного характера, а именно носит ситуативный характер. В частности, рассматриваемая ситуация может возникнуть исключительно при наличии ряда условий – юридических фактов [14].

Так, по мнению А.С. Телегина первым условием является личная заинтересованность (прямая или косвенная), под которой законодатель предлагает понимать возможность материального обогащения субъекта публичной службы, в частности, получения им доходов в виде денег, иного

имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ. При этом получение выгоды не связано исключительно с личностью публичного служащего, субъектами получения материальной выгоды могут выступать и иные лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей), граждане или организации, с которыми субъект конфликта интересов и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. В зависимости от конечного бенефициара конфликта интересов законодатель дифференцирует личную заинтересованность на прямую, характеризующуюся получением благ непосредственно субъектом конфликта интересов, и косвенную, при которой конечными выгодоприобретателями выступают третьи лица, имеющие какие-либо социальные связи с первым [15].

Следует отметить, что в нормативном определении личной заинтересованности действительно прослеживается акцент законодателя на корыстной составляющей, поскольку получение материальной выгоды коррупционером является наиболее типичным условием формирования коррупциогенной деятельности. Вместе с тем это не означает, что личная заинтересованность применительно к конфликту интересов может быть обусловлена исключительно корыстной мотивацией публичного служащего. Конфликт интересов может возникнуть в силу разных причин, в том числе в связи с семейными, политическими, профессиональными, конфессиональными и иными мотивами, например стремление к продвижению по службе [15].

В свою очередь, в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» отмечается, что «личная заинтересованность может проявляться, в частности,

в стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность» [16] и т.д.

К примеру, М.М.Фокина указывает на то, что: «наиболее часто конфликты интересов возникают при реализации контрольно-надзорных, лицензионно-разрешительных полномочий чиновниками, а также при осуществлении организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций, при принятии кадровых решений». По ее мнению, распространены ситуации, связанные с возникновением конфликта

интересов в условиях наличия близкого родства между руководителем и подчиненным» [17].

В основе возникновения конфликта интересов стоит личная заинтересованность должностного лица, которая находится в неразрывной связи с реализацией им своих должностных полномочий. Обязательный признак правонарушения - осознание виновным всех элементов конфликта, включая наличие выгодоприобретателя [17].

По мнению Д.И. Дедова, предпосылки конфликта интересов можно сгруппировать следующим образом:

- институциональные предпосылки конфликта интересов, при которых конфликт возникает вследствие недостатка правового регулирования функций каких-либо органов государственной власти;

- личностные причины конфликта интересов, которые у должностного лица могут появиться по причине низкого качества исполнения его служебных обязанностей или низкого уровня его компетенции [18].

О.Н. Костюк, анализируя причины конфликта интересов, приходит к выводу, что среди них следует выделять субъективные причины и объективные.

Что касается объективных причин появления конфликта интересов, то они не зависят от ценностей государственного и муниципального служащего, его сознания и воли, а также от других психологических особенностей.

К объективным причинам появления конфликта интересов, следует относить следующие:

- несовершенство российского законодательства;
- естественное столкновение интересов, которое имеет место в административно-государственной сфере;
- несоответствие структуры государственного органа его компетенции, а также решаемым таким органом задачам и возложенным на него функциям.

Что касается второй группы причин — субъективных, то к ним автор относит конкретные неудовлетворенные потребности государственного служащего, например, неудовлетворение своим денежным содержанием, социальным статусом и др. [18].

Как видим, учеными предлагаются различные причины возникновения конфликта интересов на государственной службе, однако практически все авторы выделяют из всех имеющихся причин две большие группы: личностные причины (или субъективные) и институциональные (или объективные). Отсюда можно сделать вывод, что возникновение конфликта интересов на публичной службе носит объективно-субъективный характер, поскольку объективная причина является причиной возникновения любого конфликта в силу действия субъективного фактора.

Нужно заметить, что в российском антикоррупционном законодательстве не приводятся примеры типовых ситуаций конфликта интересов. Начиная с 2012 года Минтруд России в сотрудничестве с органами прокуратуры публикует обзор типовых ситуаций конфликта интересов и порядка их урегулирования [19]. Данный документ можно считать методическим руководством для публичных служащих, которое содержит теоретическое обоснование возникающих жизненных ситуаций.

К примеру, среди прочих, обозначен конфликт интересов, связанный с:

- выполнением отдельных функций государственного управления в отношении родственников и/или иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного служащего;
- выполнением иной оплачиваемой работы;
- владением ценными бумагами, банковскими вкладами;
- получением подарков и услуг;
- имущественными обязательствами и судебными разбирательствами;
- взаимодействием с бывшим работодателем и трудоустройством после увольнения с государственной службы;
- с явным нарушением государственным служащим установленных запретов.

И.А. Трофимова уточняет, что конфликт интересов может быть выражен в следующих формах:

- в незаконном присвоении государственным или муниципальным служащим ценных бумаг или валютных взносов в банках;
- в получении государственным и муниципальным служащим презентов;
- в выполнении определенной функции государственного и муниципального управления в отношении своих родственников, знакомых или иных граждан;
- в невыполнении определенных законодателем запретов и ограничений;
- в трудоустройстве государственного служащего на другую службу уже после завершения государственной службы [20].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что практически все авторы сходятся во мнении, что наиболее распространенной предпосылкой возникновения конфликта интересов на публичной службе является неудовлетворение своим финансовым и материальным положением, что может подталкивать публичного служащего к реализации своих потребностей путем удовлетворения личных интересов. Соответственно, этот фактор часто и порождает конфликт интересов на публичной службе.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 03.12.25)
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.10.25)
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 18.10.25)
4. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 24.10.25)
5. Патова Е. М., Казакова Л. А. Правовое регулирование публичной службы. Сыктывкар. СГУ им. Питирима Сорокина. 2024. С. 7–8.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 20.10.2025)
7. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 21.10.2025)
8. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 22.10.2025)
9. Глазырин Т.С., Козлов Т.Л., Колосова Н.М. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2016. С. 15.
10. Потапов М.Г. Конфликт интересов: проблемы определения. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. С. 163. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-problemy-opredeleniya/viewer>. (Дата обращения: 30.11.2025)
11. Гурьева О.А., Трясцина К.А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт. Новая парадигма социально-гуманитарного знания. 2018. С. 121.
12. Телегин А. С. Служба в органах публичной власти: вопросы правового регулирования. *Административное право и процесс*. № 9. 2022. С. 33–36.
13. Рогожина С. Г., Щербинина Н. С., Лазаренко Т. В. Понятие «конфликт интересов» в российском законодательстве. *THE SCIENTIFIC HERITAGE*. № 63-5. 2021. С. 10–14.
14. Телегин А. С. Конфликт интересов в системе государственной службы Российской Федерации: юридическая природа. *Ex iure*. № 3. 2021. С. 84–94.
15. Телегин А. С. Конфликт интересов в органах публичной власти: некоторые вопросы правоприменения. *Вестник Прикамского социального института*. № 2. 2025. С. 13–18.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными

полномочиями и о превышении должностных полномочий». [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 02.12.2025)

17. Фокина М.М. Проблемы выявления, предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. Законность. № 12. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 25.10.2025)

18. Дедов Д. И. Конфликт интересов. Москва: Волтерс Клувер. 2004. С 86.

19. Письмо Минтруда России от 15.10.2012 № 18-2/10/1-2088 «Об обзоре типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядке их урегулирования». [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 04.01.2026).

20. Трофимова И.А. Причины и особенности урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы. Закон и право. №10. 2021. С. 194-198.

Об авторе:

ЕВСЕЕВ Артём Леонидович – студент 2 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ТАКТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

А.М. Зарыпов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Антонова Н.А.

В статье анализируется система мер тактических и организационных действий, их особенностей в части расследования злоупотребления должностными полномочиями.

***Ключевые слова:** злоупотребление должностными полномочиями, расследование, организационные особенности.*

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, необходимо устанавливать и исследовать ряд обстоятельств. Так, к признакам коррупционного преступления относятся нарушение должностным лицом порядка выполнения служебных действий, обход регламентных процедур, нарушение очередности и правил оформления документов, ускорение или упрощение рассмотрения вопросов, несоблюдение требований о полноте материалов и волокита в различных формах.

Расследование злоупотребления должностными полномочиями обладает рядом тактических и организационных особенностей, которые позволяют эффективно выявлять и документировать противоправные действия. В тактическом плане ключевым этапом является быстрое и всестороннее собирание информации, выявление признаков преступления, определение круга лиц, причастных к нему. Важно оперативно зафиксировать следы преступления, истребовать нужные документы, провести допросы и назначить экспертизы.

Осмотр места происшествия служит для фиксации обстановки, обнаружения и изъятия предметов, документов или техники, имеющих значение для дела, особенно уделяя внимание месту хранения документов и компьютерной технике.

Допросы требуют учета психологических особенностей допрашиваемых и направлены на получение максимально правдивых показаний, при этом используют противоречия и улики для полного освещения обстоятельств.

Для установления технических и специфических фактов назначаются экспертизы, которые могут охватывать финансовые, бухгалтерские, технические, почерковедческие и компьютерные направления. Следственные эксперименты применяются для проверки возможности

совершения определенных действий, уточнения обстоятельств и повышения точности следствия. Не менее важна профилактика противодействия со стороны подозреваемых, таких как попытки уничтожения доказательств или оказания давления на свидетелей, поэтому в ходе расследования принимаются меры для нейтрализации этих угроз.

Организационно особое значение имеет тесное взаимодействие следственных органов с оперативными службами, прокуратурой, финансовыми и контролирующими органами, что способствует обмену информацией и синхронности действий.

Важным аспектом является детальное планирование расследования, включающее определение очередности следственных мероприятий и распределение задач между сотрудниками. Для эффективной работы формируются специализированные группы следователей, обладающие необходимыми знаниями и навыками в области расследования коррупционных преступлений.

Техническое обеспечение играет важную роль, поскольку используются современные средства для сбора, анализа и хранения информации, что повышает оперативность и точность работы. Постоянный контроль за ходом расследования осуществляется руководством следственного органа и прокуратурой, что позволяет своевременно выявлять и устранять возможные недоработки. В расследовании привлекаются специалисты в различных областях, что содействует проведению экспертиз, консультациям и повышению аналитической базы для установления объективных обстоятельств.

Как отмечается в научной литературе, «при осуществлении злоупотребления должностными полномочиями, в большей степени, местом совершения преступления считается рабочее место (офис, кабинет и т.д.), в меньшей степени – нерабочее место лица, но в пределах территории организации, государственного учреждения или органа, еще реже – в рамках неформальной, непринужденной обстановки, то есть вне территории рабочего помещения» [6]

Для того, чтобы возбудить уголовное дело по ст. 285 УК РФ необходимо установить, является ли подозреваемое лицо его субъектом, для этого он должен обладать статусом должностного лица.

При этом, по мнению Э.У. Бабаевой, «на возможную причастность к преступлениям коррупционной направленности могут также указывать такие признаки, как: жизнь подозреваемого должностного лица не по средствам; сведения о наличии у него (его родственников) крупных вкладов, ценностей, дорогостоящей недвижимости; установление конкретных фактов дорогостоящих покупок и т. д. В

случаях, когда должностные лица живут не по средствам, расходы обычно значительно превышают доходы семьи. Об этом свидетельствуют значительные расходы на оплату жилья, питание, различные виды хобби, содержание детей в престижных детских учреждениях или обучение в коммерческих вузах, посещение определенных мест отдыха, участие в азартных играх, проведение пышных празднеств, дорогостоящее лечение и прочее» [7].

Надзорные функции прокуратуры в отношении доходов и расходов чиновников, следует рассматривать в качестве меры, направленной на минимизацию последствий коррупционных правонарушений. По своей правовой природе они сведены к контролю за исполнением законов, содержащих нормы регулирующие вопросы контроля за расходами, контролю за соответствием правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами в сфере контроля за расходами, действующему законодательству, что вытекает из приведенного в ст. 21 вышеупомянутого закона определения предмета прокурорского надзора. Регламентированные Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее - закон № 230-ФЗ) [2] обязанности по надзору за доходами чиновников, организационно конкретизируются на уровне приказа Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» [4].

В рамках реализации данного закона разработаны методические рекомендации по применению прокурорского надзора и выявлению нарушений законодательства о соблюдении чиновниками обязанности по представлению сведений о расходах.

Отметим, что только органы прокуратуры законодатель наделяет правомочием обратиться в суд с заявлением об обращении имущества чиновника в доход Российской Федерации. Данное право корреспондирует с его процессуальной обязанностью доказать обстоятельства, на которые он ссылается в подтверждении своих доводов. В рамках межведомственного взаимодействия по контролю за расходами должностных лиц и информационного обмена, органами прокуратуры заключен ряд соответствующих соглашений, обязывающих государственные структуры сотрудничать на всех уровнях [5].

Спектр правомочий прокуратуры, закрепленный в вышеупомянутом приказе, очерчен комплексом мер, направленных на выявление и пресечение фактов злоупотребления служебными (должностными) полномочиями с целью получения выгоды имущественного характера, дачи и получения взяток, коммерческого подкупа, иных коррупционных

правонарушений, совершаемых чиновниками. В этих целях ими особенно акцентируется внимание на соблюдении установленного порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Тщательному исследованию подлежат справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за отчетный период, который равняется предшествующему дате подачи календарному году, а также за прошедшие два календарных года.

Важное значение имеет и исследование целей и мотива совершения такого преступного деяния.

Ю.А. Гладышев указывает, что «мотив выражен выработанными потребностями, внутренними побуждениями, создающими готовность лица неотступно следовать им, совершая преступление» [8].

Следует согласиться также с С.В. Векленко относительно того, что «мотив обычно свидетельствует о ярко выраженной антисоциальной направленности лица, совершившего преступление, о наличии у него однозначной модели преступного результата и устоявшемся намерении его свершения» [7].

Из этого можно сделать вывод, что наличие мотива свидетельствует об осознании и предвидении последствий лицом, совершаемым преступлением, а также о желании наступления этих последствий. Целью преступления является мысленная модель будущего результата преступления, формирующая вполне уверенную ориентированность и направленность претворения ее в жизнь.

Таким образом, были выявлены основные обстоятельства, подлежащие исследованию при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями. В числе таковых следует назвать событие преступления (место и время); статус должностного лица, его полномочия, функции; в чем именно выразилось злоупотребление должностными полномочиями; мотивы и цели совершения такого преступления; какой вред причинен в результате совершения такого преступления; причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, в ходе которой проверяются поводы к возбуждению уголовного дела, устанавливается наличие или отсутствие оснований к возбуждению уголовного дела. Стадия возбуждения уголовного дела выполняет важные задачи в ходе уголовного процесса такие как: реагирование на каждый поступающий факт о совершенном преступлении, фильтрацию неподтвержденных сообщений и заявлений

о совершенном преступлении, предотвращение расследования мнимых или несуществующих преступлений, предотвращение и пресечение преступлений, а также закрепление следов преступлений. С момента поступления сообщений о преступлениях начинается стадия возбуждения уголовного дела, поэтому важно на этом этапе провести качественную и полную проверку достоверности данных сведений в строго установленные законом сроки. Постановление о возбуждении уголовного дела является юридическим фактом, необходимым для осуществления уголовного преследования, в частности для дальнейших следственных действий, применения мер государственного принуждения. Соблюдение порядка процессуальных действий, обоснованности возбуждения и принципа законности – важнейшие средства в обеспечении соблюдения конституционных прав граждан, предупреждения и пресечения преступлений на момент проверки поводов к возбуждению уголовного дела и установления оснований.

Специфические задачи такие как:

- 1) решение вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе;
- 2) реагирование на каждый факт преступления;
- 3) предотвращение расследования несуществующего факта либо фактов, которыми закон исключает возбуждения уголовного дела ч. 1 ст. 24 УПК РФ [1];
- 4) первичная квалификация исследуемого деяния;
- 5) определение органа, осуществляющего производство проверки.

Главными задачами данной стадии являются проверка наличия или отсутствия повода и оснований, а также выяснение необходимых для принятия итоговое решение обстоятельств [11].

Специфика методов проявляется в том, что законодатель закрепил достаточно большой перечень процессуальных действий в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также возможность проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела (осмотр места происшествия; осмотр документов, предметов; освидетельствование; судебная экспертиза; получение образцов для сравнительного исследования). Не допускается применение мер принуждения. Начальный момент исчисляется с момента регистрации повода в компетентном органе, а оканчивается решением о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении. По окончании проверки поводов выносится постановление о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче по подследственности. Юридический факт возбуждения уголовного дела является началом для осуществления уголовного преследования, что позволяет органам предварительного расследования совершать следственные действия. Следовательно, данная стадия защищает от произвола и злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Соответственно, предварительное расследование по преступлениям, предусмотренным ст. 285 УК РФ, начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь или орган дознания выносит соответствующее постановление.

В случаях, когда следователю или дознавателю поручается производство предварительного расследования по уже возбужденному уголовному делу, соответствующее должностное лицо выносит постановление о принятии дела к своему производству. Копия постановления в течение 24 часов с момента его вынесения направляется прокурору.

Законодатель в ст. 140 УПК РФ дает исчерпывающий перечень поводов для возбуждения уголовного дела, который охватывает: заявление о преступлении; явку с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Заявление о преступлении (ст.141 УПК РФ) наиболее часто встречаемый повод. Источником сообщения является лицо, именуемое «заявитель».

Явка с повинной (ст.142 УПК РФ) – повод, источником которого является лицо, совершившее преступление.

В. Н. Перекрестов указывает, что «по смыслу закона, явка с повинной оформляется тогда, когда правоохранительные органы не обладают информацией о совершении данного преступления. Однако на практике отдельные правоприменители толкуют это понятие шире: любое сообщение лица о совершении им преступления, по уже возбужденному уголовному делу, рассматривается как явка с повинной. Такое положение не только не соответствует закону, но и прямо нарушает его. Явка с повинной – это инструмент, с помощью которого решаются процессуальные и уголовно – правовые задачи. Неисполнение требований закона, либо их неточное исполнение мешает достижению целей уголовного судопроизводства» [10].

В настоящее время УПК РФ закрепляет, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Но при этом нельзя утверждать о процессуальной природе следственных мероприятий. В ходе следственной проверки уголовно-процессуальное доказывание еще не осуществляется, методы полного, всестороннего и объективного исследования не действуют; цели, стоящие перед субъектом состоят не в доказывании, а в выяснении наличия или отсутствия оснований для

возбуждения уголовного дела, то есть достаточных данных, указывающих на признаки преступления (к устанавливаемым признакам в ходе следственной проверки относятся признак общественной опасности деяния и признак его противоправности). К тому же уполномоченный субъект следственной проверки, хоть и наделен широкими полномочиями, но не достаточными для установления всех обстоятельств.

На практике сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, часто признаются недопустимыми доказательствами в силу нерегламентированности тех или иных мероприятий, несоблюдения даже прямо установленных требований ст. 144 УПК РФ к следственной проверке. В настоящее время требуется не расширение перечня мероприятий, а совершенствование: корректировка, регламентация норм о порядке проведения уже существующих.

Третий повод законодатель называет по-разному: в п.3 ч.1 ст.140 УПК – это сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; а в ст.143 – рапорт об обнаружении признаков преступления.

Четвертый повод – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, введен ФЗ № 404 от 28.12.2010 г. Этот повод опосредован полномочием прокурора по выявлению нарушений уголовного законодательства, предусмотренным п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ. Решение следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, может быть принято только с согласия руководителя следственного органа (ч.1.1 ст.148 УПК). Согласно ст. 144 УПК РФ «общий срок проверки составляет 3 суток; руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а начальник органа дознания по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок – до 10 суток; руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток для производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно розыскных мероприятий».

Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том

числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа. После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может проводить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. Однако в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах. Кроме того, в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом (ст. 89 УПК РФ). Не допускается также возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

При этом защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Согласно ст. 225 УПК РФ по окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт, в котором указываются:

- 1) дата и место его составления;
- 2) должность, фамилия, инициалы лица, его составившего;

- 3) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- 4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела;
- 5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ;
- 6) перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания;
- 7) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 8) данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда;
- 9) список лиц, подлежащих вызову в суд.

Обвинительный акт утверждается начальником органа дознания и вместе с материалами уголовного дела направляется прокурору [9]. Прокурор, изучив обвинительный акт и материалы уголовного дела в течение двух суток, принимает одно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного акта и о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения по существу;
- 2) о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям ст. 225 УПК РФ со всеми письменными указаниями. При этом прокурор может установить срок для производства дополнительного дознания не более 10 суток, а для пересоставления обвинительного акта – не более трех суток. Дальнейшее продление срока дознания осуществляется на общих основаниях и в порядке, которые установлены ч. 3-5 ст. 223 УПК РФ;
- 3) о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24-28 УПК;
- 4) о направлении уголовного дела для производства предварительного следствия.

При утверждении обвинительного акта, прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. В процессе производства дознания в общем порядке указания прокурора и начальника органа дознания, данные в соответствии с УПК РФ, обязательны для дознавателя. При этом дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору, а указания прокурора – вышестоящему прокурору, не приостанавливая исполнения обжалованных указаний (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

Государственный обвинитель анализирует процессуальные документы на предмет законности проведенных процессуальных действий, исследует все доказательства, на которые ссылается следователь в обвинительном акте. В связи с наличием совокупности имеющихся доказательств прокурор

строит свое обвинение и делает вывод о степени фактической доказанности обстоятельств по уголовному делу.

Следует отметить, что возбуждение уголовного дела по ст. 285 УК РФ зачастую основывается на результатах ОРД.

Особенности совершения преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, требуют своевременного и продуманного использования в расследовании преступлений возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и знающих технологическую специфику таких преступлений. Основные оперативно-розыскные мероприятия, проводимые ими, определены ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], однако имеется возможность при организации каждого мероприятия учитывать особенности следственной ситуации, чем обеспечивается его результативность.

Таким образом, для повышения эффективности раскрытия преступлений, связанных с злоупотреблением должностными полномочиями по статье 285 УК РФ, важное значение имеет использование результатов оперативно-розыскных мероприятий (ОРД), которые служат ключевыми доказательствами для возбуждения уголовных дел. Необходимо укреплять межведомственное взаимодействие между правоохранительными органами, органами государственной власти и другими структурами, обеспечивая своевременный обмен информацией и совместное планирование операций, что способствует более быстрому выявлению и пресечению преступных схем. Также важно организовывать регулярные тренировки и отработки различных ситуаций, моделируя реальные сценарии, что повышает профессиональную подготовку сотрудников и улучшает их взаимодействие в ходе оперативных действий. Внедрение современных технологий и автоматизированных систем анализа данных позволяет ускорить выявление признаков злоупотреблений, повысить качество оперативно-розыскной работы и снизить вероятность ошибок. Постоянное обучение и повышение квалификации сотрудников, внедрение системы стимулирования за успешное раскрытие преступлений также способствуют активизации действий и повышению результативности. Все эти меры создают условия для более эффективного выявления и пресечения коррупционных преступлений, укрепляют доверие общества к правоохранительным органам и способствуют борьбе с злоупотреблениями служебным положением.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (часть IV). Ст. 6953.

3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

4. Приказ Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 17.11.2025) «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Законность. 2022. № 11.

5. Соглашение ФНС России № ММВ-23-11/2, Генпрокуратуры России № СД-1-14 от 14.02.2014 «О взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной налоговой службы в области противодействия коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Арутюнян О.С. Криминалистическая характеристика обстановки совершения злоупотребления должностными полномочиями // Матрица научного познания. 2022. № 2-2. С. 51.

7. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. С. 112.

8. Гладышев Ю.А., Гладышев Д.Ю. Уголовное право России. М.: Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 117.

9. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 2020. С. 159-160

10. Перекрестов В.Н. Признание вины как как условие сокращенного порядка дознания // Дознание в сокращенной форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. ст. / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т» ; общ. ред. и предисл. И. С. Дикарева ; редкол. : И. С. Дикарев (отв. ред.) [и др.]. Волгоград : ВолГУ, 2018. С. 80-86

11. Худайбергенов Б.К. Правовая природа отношений, регулируемых институтом возбуждения уголовного дела // Academy. 2021. № 4 (67). С. 38-39.

Об авторе:

ЗАРЫПОВ Артём Маратович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД С 1917 ГОДА ПО СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Ю. Р. Зиннуров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье анализируются методы противодействия коррупции в сфере военной службы в истории российской государственности в период с СССР по Россию новейшего время. Рассматриваются причины её появления и укоренения, оценивается эффективность применяемых способов для борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: СССР, Россия, РФ, коррупция в сфере военной службы, противодействие коррупции в сфере военной служб, ВС РФ, Министр обороны РФ, РСФСР.

С формированием такого государства как Советский Союз правовые методы, применяемые в Российской империи, перестали иметь легитимное обоснование, поэтому система вновь была вынуждена создавать фундамент для борьбы с коррупцией. Так, в течение десяти лет были сделаны очередные шаги в области противодействия коррупции в армейской среде. Принятие Декретов «О взяточничестве» 1918 года, «О борьбе со взяточничеством» 1921 года и Уголовного кодекса РСФСР 1922 года сформировали новую антикоррупционную законодательную базу, а появление в системе государственной власти Экономического управления Всероссийского чрезвычайного комитета объединенного государственного политического управления способствовало выявлению экономического шпионажа, борьбе с хозяйственными преступлениями в военной среде, охране хозяйственных тайн, оперативному обслуживанию транспорта подразделений и воинских частей.

Однако, Экономического управления Всероссийского чрезвычайного комитета объединенного государственного политического управления не смогло в полном объеме эффективно исполнять возложенные на нее задачи ввиду их значительного количества, а также по причине специфики государственного устройства Советского Союза в сочетании с отсутствием реальной потребности у правительственных деятелей реализовать меры, направленные на ликвидацию коррупционных проявлений в армии и на флоте. Поэтому, в 1937 году был создан Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, который вошел в состав аппарата Главного Управления рабоче-крестьянской милиции Народного комиссариата внутренних дел СССР и выполнял задачи по противодействию коррупции во всех сферах деятельности советского общества [2, с. 149].

Помимо этого, в 1918 году было принято Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об ограничении совместной службы

родственников в советских учреждениях» [3], согласно которому запрещалось состоять на службе лицам, находящимся в родстве или свойстве между собою в одном и том же отделе какого-либо Советского учреждения, как центрального, так и местного.

В годы Великой Отечественной Войны уровень коррупции в рядах Красной армии был очень низок [5], непосредственное влияние на это оказали сами боевые действия, когда люди в первую очередь думали об выживании, а не об обогащении. Также, дополнительной мерой безопасности стало принятое в марте 1942 года постановление Госкомитета обороны СССР «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время». За хищение оружия, продовольствия, обмундирования и любого другого военного имущества сразу приговаривали к расстрелу с конфискацией всего имущества. Однако, в это же время в тылу - отдельные личности за взятки находили у себя тяжелые болезни и получали освобождение от призыва. Уже в 1944 году НКВД и иные правоохранительные органы провели масштабную операцию по выявлению уклонистов и дезертиров, арестовав в общей сумме порядка 170000 человек. При этом правоохранители обнаружили множество организаций, которые за взятки помогали избежать службы [6].

Первые проявления коррупции, сигнализирующие о возврате привычных материальных отношений, обнаружались при распределении трофейного имущества. Командиры всех рангов в меру своих возможностей тащили все, до чего могли дотянуться: драгоценности, мебель, картины, предметы роскоши. Все это руками солдат грузилось на армейские грузовики и вагоны и вывозилось на территорию СССР. Весной 1946 года было начато громкое «Трофейное дело», в рамках которого арестовали 12 генералов, а маршала Георгия Жукова сняли с поста главнокомандующего и отправили в ссылку в Одессу [4].

Стоит отметить, что в советский период времени коррупция, как социальный феномен общества, руководством страны не признавалась, соответственно, перечень преступлений коррупционной направленности нормативными правовыми актами СССР не определялся. Злоупотребления должностными полномочиями, взятки и хозяйственные преступления в военной среде можно отнести к категории основных коррупционных проявлений того времени.

За период существования Советского Союза вопросы противодействия коррупции в армейской среде могли бы быть решены наиболее эффективно и в большем объеме, чем с Российской империи. Однако этого добиться не удалось и прежде всего потому, что созданная советская система не всегда правильно расставляла приоритеты в вопросах устранения причин коррупции, возможно причиной этому служило и упомянутое ранее отрицание данного феномена, отдавая предпочтение организационным мерам борьбе с нарушениями финансовой и плановой дисциплин,

бюрократизму и волоките в процессе рассмотрения обращений советских граждан и т.д., исключая одновременно из комплекса необходимых антикоррупционных мер деятельность органов власти по повышению правовой грамотности чиновников и военнослужащих, культивированию у них идеи служения советскому обществу и, как следствие, неприятия попустительства по службе, взяточничества и злоупотребления должностным положением.

После развала СССР и перехода России на систему рыночных отношений, начался новый этап в развитии Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) и, соответственно, коррупции. Причины непосредственно кроются в последствиях распада Советского Союза, кризисе системы управления властью в стране, непредсказуемых колебаниях в экономике, несовершенстве существовавшей нормативно-правовой базы, некачественной работе органов контроля и надзора.

В новейшей истории России антикоррупционная деятельность началась с изданием Указа Президента Российской Федерации от 04 апреля 1992 года №361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», содержащего следующие запреты для служащих государственного аппарата, в число которых входят и военнослужащие: заниматься предпринимательской деятельностью; оказывать любое не предусмотренное законом содействие физическим и юридическим лицам с использованием своего служебного положения в осуществлении предпринимательской деятельности и получать за это вознаграждение, услуги и льготы; выполнять иную оплачиваемую работу на условиях совместительства, а также заниматься предпринимательской деятельностью через посредников, а равно быть поверенным у третьих лиц по делам государственного органа, в котором он состоит на службе; самостоятельно или через представителя принимать участие в управлении акционерными обществами, товариществами с ограниченной ответственностью или иными хозяйствующими субъектами. Более того, этим же Указом для государственных служащих было установлено обязательное представление при назначении на руководящую должность декларации о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумагах, а также обязательствах финансового характера.

Дальнейшая нормотворческая деятельность органов государственной власти в области антикоррупционной политики в армейской среде ограничилась рассмотрением в ноябре 2001 года в первом чтении законопроекта «О противодействии коррупции». Следующий, но уже окончательный, шаг по принятию пакета нормативных правовых актов в исследуемой области был сделан, как известно, только в 2008-2010 гг. Фундаментальным в этом пакете до настоящего времени является Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ [2, с. 149].

Основные принципы, на которых основывается антикоррупционная деятельность в армии и на флоте, сформулированы в статье 3 указанного выше федерального закона:

1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина. В ходе реализации системы мер по противодействию коррупции государство в период проведения антикоррупционных мероприятий выступает гарантом в вопросах равенства прав и свобод лиц, состоящих в ВС РФ на государственной службе или в трудовых отношениях в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, независимо от каких-либо обстоятельств;

2) законность. Этот принцип заключается в том, что в ВС РФ государственными служащими и гражданскому персоналу должны неукоснительно соблюдаться нормы, содержащиеся в национальных антикоррупционных нормативных правовых актах, а деятельность органов военного управления, воинских частей и формирований должна соответствовать требованиям действующего законодательства;

3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Несмотря на специфику деятельности ВС РФ, сведения о фактах проявления коррупции в военной среде не должны скрываться от общественности и любые лица, заинтересованные в подобной информации, не должны иметь каких-либо ограничений при её получении и освещении в прессе, на телевидении или в иных средствах массовой информации;

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Данный принцип означает, что военнослужащие, государственные гражданские служащие и гражданский персонал органов военного управления, воинских частей, организаций и учреждений ВС РФ, должны быть уверены в неизбежности юридической ответственности за совершение ими противоправных деяний, которые носят коррупционный характер. В этой связи актуальным видится стремление военных прокуроров и следователей к наказанию лиц, совершивших коррупционные правонарушения, а также необходимость разработки и применения на практике специальных мер, обеспечивающих своевременное выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер. Реализация этого принципа предполагает не только использование в совокупности указанных в настоящем абзаце мер, но и координацию действий, объединение усилий командования воинских частей, органов военного управления, военных прокуроров и следователей, а также иных уполномоченных органов и лиц в ходе решения задач по противодействию коррупции в ВС РФ;

б) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции. В целях недопущения коррупционных проявлений, необходимо заранее предпринимать действия антикоррупционного характера, что позволит минимизировать последствия коррупции в военной среде, своевременно и максимально полно устранять ее причины, создать здоровые условия для функционирования армии и флота;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами. В целях правового обучения и формирования высокого уровня правовой культуры у государственных гражданских служащих, военнослужащих и гражданского персонала, требуется создать все необходимые условия для реализации основ антикоррупционной политики в ВС РФ, а также обеспечить сотрудничество командования воинских частей и начальствующего состава органов военного управления с институтами гражданского общества, физическими лицами и международными организациями, имеющими успешный опыт борьбы с коррупцией.

Вышеперечисленные принципы лежат в основе российской антикоррупционной деятельности в армии и на флоте. Они раскрывают содержание и порядок реализации правовых предписаний в исследуемой сфере и, объединяя существующие нормы международных и российских правовых актов, образуют определенную систему, в которой эти принципы связаны и взаимообусловлены.

Помимо разработки и утверждения нормативных документов в антикоррупционной сфере, в России для объединения усилий гражданского общества в целях противодействия коррупции в ВС РФ, а также координации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований, были созданы различные организации, совещательные и иные структуры, выполняющие задачи в области предупреждения и борьбы с коррупцией в воинских частях, формированиях и органах военного управления армии и флота. К числу которых относятся: Национальный антикоррупционный комитет РФ, Комитет Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и противодействию коррупции, Национальный антикоррупционный совет РФ, Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции и т.д.

В ВС РФ пик издания нормативных правовых актов по противодействию коррупции пришелся на 2009-2012 годы. Например, в указанный период приказами Министра обороны Российской Федерации были приняты меры по соблюдению в Министерстве обороны России требований к служебному поведению военнослужащих и урегулированию конфликта интересов. Помимо этого, были утверждены: Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства обороны Российской Федерации; порядок

проведения в Министерстве обороны Российской Федерации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Важно отметить и то, что главным результатом от коррупционных действий в сфере военной службы является некачественное оказание услуг, капитального ремонта и строительства, поставка продукции товаров, услуг, а главное вооружений и военной техники, которая в конечном итоге сказывается на общем состоянии военной безопасности обороноспособности нашего государства [1, с. 52]. Именно поэтому необходимо уделить данной проблеме серьёзное внимание, так как недавний опыт 2022 года показывает, что в данном направлении существует ряд пробелов, которые должны быть решены.

Классифицировать коррупционных правонарушений в ВС РФ можно следующим образом:

- коррупционные правонарушения при выполнении гособоронзаказа;
- коррупция при осуществлении аутсорсинга;
- коррупция в сфере выплат денежного довольствия, заработной платы и компенсаций военнослужащим и гражданскому персоналу;
- оказание встречных услуг и покровительство в продвижении по службе и т.п.;
- использование должностного положения и полномочий для получения жилья, наград, иных льгот и привилегий.

Анализируя исторический опыт можно говорить о том, что Российской Федерации на сегодняшний день следует помнить то, что эффективное противодействие коррупции в сфере военной службы не может основываться исключительно на репрессивных мерах или фрагментарных запретах. Оно требует комплексного подхода, включающего: 1) дифференцированное и стабильное законодательство; 2) независимые и профессиональные контрольные органы; 3) системную антикоррупционную подготовку и формирование правовой грамотности военнослужащих; 4) устранение причин, порождающих коррупцию. Тенденция развития правовой базы в вопросе регулирования данной сферы показывает, что Российская Федерация на данный момент старается придерживаться этого принципа.

Список литературы

1. Вартумян А.А., Федотов Д.С. Коррупция в военной сфере и ее влияние на безопасность Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №1. С.50-54.
2. Кулагина В. Н. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации: исторический аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №2. С. 147-152.
3. Постановление Совета Народных Комиссаров. Об ограничении совместной службы родственников в Советских учреждениях. 27 июля 1918 года // [Электронный ресурс] URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4044#aZaC8XUTDipIFfr6>

4. В 1946 г. 78 лет назад В СССР началось следствие по «Трофейному делу» // [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/3FGRfA> (дата обращения 12.12.2024)

5. Как боролись с коррупцией в годы Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс] URL: <https://pasm1.ru/archive/174408/> (дата обращения 11.12.2024)

6. Многочисленны случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/506551> (дата обращения 11.12.2024)

Об авторе:

ЗИННУРОВ Юрий Русланович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ПОНЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

К.Б. Кольшкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Антонова Н.А.

В статье анализируется содержательная сущность понятия антикоррупционной политики в контексте деятельности судебной системы власти во всем многообразии терминологических конструкций данного правового института, приводятся общие характеристики указанного термина, а также предлагается самостоятельная терминологическая конструкция применительно к объекту исследования.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, судебная система, суд, коррупция.

В настоящее время формирование эффективной системы мер по предупреждению коррупции являет собой одну из самых распространенных и важных проблем международного сообщества [6]. Первостепенная задача всех прогрессивных мировых держав состоит в создании оптимизированных, готовых к проверке активно развивающимися коррупционными провокациями, механизмов противодействия коррупции в деятельности органов судебной власти в соответствии с международными стандартами и с учетом историко-правовых и социально-экономических особенностей государств [3].

Современная конфигурация подхода к осуществлению антикоррупционной политики применительно к органам судебной власти в РФ предопределяет необходимость придания приоритета превентивным мерам воздействия на очаги коррупции. В силу того, что совершенно нивелировать возникновение коррупционных рисков в деятельности судебного сектора в текущих реалиях не представляется возможным, следует засвидетельствовать необходимость потенциальной минимизации проявлений коррупционной направленности, что возможно исключительно во взаимосвязи с соблюдением норм профессионального поведения судей как в рамках их профессиональной, так и во внесудебной деятельности.

На сегодняшний день в научной среде не сформировалось единого подхода к определению понятия антикоррупционной политики в деятельности судов, однако необходимо рассмотреть некоторые из существующих конструкций. Следует обозначить особую содержательную значимость в контексте раскрытия понятийной сущности предмета исследования через призму следующих определений.

Так, по мнению М.Т. Тащилина, антикоррупционная политика в судебной системе представляет собой научно обоснованную, системную судебную деятельность во взаимосвязи с деятельностью институтов

гражданского общества, которая направлена на противодействие и профилактику коррупции с целью снижения ее негативного влияния на жизнедеятельность государства, общества и граждан, связанную с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению [5].

Кроме того, автор изложенного определения проводит некоторую правовую градацию, определяющую специфику борьбы с такими формами коррупционного поведения в контексте деятельности судов как открытую и скрытую. Так, открытая форма коррупционного поведения должна быть нивелирована всем арсеналом превентивно-репрессивных политических, общеправовых и экономических мер государства и общества. В то же время, инструментами борьбы со скрытой формой коррупционного поведения могут являться такие механизмы как общественный контроль, возможность «самоочищения» органами судейского сообщества в лице собраний и конференций судей, всевозможных советов и съездов судей, квалификационных коллегий судей. Основной целью указанных инструментов состоит в минимизации коррупционных рисков, обеспечении независимости судей с использованием административного ресурса и невозможности их обогащения посредством связей с участниками судопроизводства.

Указанное определение чрезвычайно подробно раскрывает признаки антикоррупционной политики в судебной системе, придавая бесспорную значимость указанному понятию, как угрозе жизнедеятельности не только нормальному функционированию институтов гражданского общества в отдельности, но и государства в целом.

Особый интерес вызывает тезис Ю.А. Гармаева на предмет того, что для успешной реализации антикоррупционной политики в судебной системе необходимо повседневное создание привлекательного образа суда как справедливого и доступного публичного органа власти, призванного защитить законные права и интересы субъектов права. Так, имеет место острая необходимость проявления инициатив с позиции судебной власти как института государственной власти, направленных на самостоятельную работу по выявлению и ликвидации коррупционных аномалий в ее деятельности [1].

И.А. Ильин предлагает иное, совершенно отличительное определение сущности антикоррупционной политики в деятельности судов. Прежде всего, данный автор акцентирует внимание на следующем: «Русский суд признан быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в Законе Божьем, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое светское правосознание. Он не может ни кривить душой, ни угрожать предрержащим властям. Судья, лишенный государственного смысла или патриотизма, одержимый злою волею, своекорыстием или классовым интересом, не чувствующий права, не верящий в назначение и силу государства и не

сознающий своей ответственности, безвольный или трусливый будет всегда истинным бедствием для своего союза; ибо деятельность его подрывает самое важное в политической жизни веру в право и волю к государственному единению» [2].

Следует упомянуть о довольно значимом в указанном контексте мнении, изложенном в коллективной монографии С.А. Авакьяна, И.П. Кененовой, А.С. Ковлера и др. «Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы». Так, авторы указанного научного труда предлагают рассмотреть в качестве основного направления развития комплексной антикоррупционной реформы обеспечение реальных гарантий независимости суда и постепенная ротация представителей судебного корпуса для наполнения его принципиальными кадрами, которые независимость и профессионализм в своей профессиональной деятельности ценили бы выше остального [4].

Исходя из сформулированных конструкций понятия антикоррупционной деятельности в деятельности судов и невзирая на разность подходов в определении содержательного аспекта данного понятия, представляется возможным сформулировать некоторые его общие характеристики, в частности:

-антикоррупционная политика в судебной системе должна быть сконцентрирована на совместной деятельности органов судебной власти и институтов гражданского общества, на взаимодействии данных институтов общества, суть которой составляет формирование механизмов противодействия и профилактики коррупции с целью снижения ее негативного влияния на жизнедеятельность государства и общества;

-антикоррупционная политика в судебной системе должна осуществляться на перманентной основе посредством повседневного создания привлекательного образа суда как справедливого и доступного публичного органа власти, призванного защитить законные права и интересы субъектов права;

-сущность антикоррупционной политики в судебной власти состоит в обеспечении реальных гарантий независимости суда и постепенной ротации представителей судебного корпуса для наполнения его принципиальными кадрами, которые независимость и профессионализм в своей профессиональной деятельности ценили бы выше остального.

Обобщая вышеизложенное, необходимо резюмировать, что несмотря на отсутствие законодательного закрепления понятия антикоррупционной деятельности в судебной системе, в юридической литературе имеется весьма внушительное количество конструкций, раскрывающих сущность данного понятия. Учитывая факт отсутствия единства мнений с точки зрения раскрытия заявленного понятия и наличия в науке видовой и содержательной вариативности данного определения, можно утверждать о

недостаточной изученности исследуемого вопроса, что оказывает влияние на формирование правовых коллизий.

Правовая природа антикоррупционной политики в работе судов требует особого внимания, поскольку высокий уровень правосудия является неотъемлемым атрибутом и гарантией государственности.

Таким образом, в рамках настоящего исследования представляется возможным разработать собственное определение антикоррупционной политики в деятельности судов.

Так, антикоррупционная политика в деятельности органов судебной власти есть результат взаимной деятельности органов судебной власти и институтов гражданского общества, предметом которой является разработка, создание и воплощение социально-правовых механизмов противодействия и профилактики коррупции с целью минимизации коррупционных факторов в деятельности органов судебной власти и уменьшению негативного влияния коррупционности на нормальную жизнедеятельность государства и общества.

Список литературы

1. Гармаев Ю.П. Предупреждение коррупции и реализация мер антикоррупционного просвещения в судах. Практическое пособие. – 2015. URL: <http://www.iuaj.net/node/1811>.

2. Ильин И.А. Кое - что об основных законах будущей России // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М. 2000. С. 1104

3. Петухов Н. А. Международные и российские антикоррупционные стандарты в судебной деятельности / Н. А. Петухов // Предупреждение коррупции в органах государственной власти российской Федерации : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 19 мая 2021 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал». 2020. С. 156-162.

4. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 512.

5. Тащилин М.Т. О концепции антикоррупционной политики в судебной системе Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 1. С. 45 – 49.

6. World Justice Project Rule of Law Index URL:<http://data.worldjusticeproject.org/#/groups/CHN> (дата обращения: 13.11.2025 г.).

Об авторе:

КОЛЬШКИН Константин Борисович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

А.А. Корсаков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье анализируется определение понятие «конфликт интересов», условия и причины его возникновения, национальное законодательство по противодействию коррупции, регламентация антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: Конфликт интересов, противодействие коррупции, государственная служба.

С точки зрения влияния человеческого фактора и поведенческого аспекта коррупции одной из центральных проблем ее предупреждения в сфере публичной власти служит проблема конфликта интересов. Конфликты интересов могут возникать у должностных лиц всех уровней публичной власти, судей, прокуроров, военных, сотрудников правоохранительных органов и органов безопасности, государственных и муниципальных служащих. Поэтому разрешение конфликтов интересов в системе публичной власти различными методами, основанными на использовании, как юридических санкций, так и кодексов деловой и профессиональной этики представляется одной из значимых мер противодействия коррупции[5].

Конфликт, в своем понимании принято определять через понятия «противоречие», «противоположность». Необходимо отметить, что в различных областях научных знаний есть свой комплекс определений понятия «конфликт», отражающий основные его смыслы и значения. К примеру, энциклопедическое определение представляется как «столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе». Философские концепции определяют конфликт как «пределный случай обострения противоречий». В психологии определение конфликта трактуется следующим образом - столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций мнений или взглядов оппонентов, или субъектов взаимодействия». В любом случае, существующие определения конфликта подчеркивают наличие противоречия, которое принимает форму разногласий.

Е.В. Охотский определяет конфликт интересов «как ситуацию, когда субъекты служебного взаимодействия одновременно выступают в двух конкурирующих между собой ипостасях, порождающих столкновение взглядов, оценок, устремлений и интересов, как конфликт должного и

сущего, законного и противоправного, нравственного и безнравственного»[7].

Как отмечает В.М. Корякин «Сущность конфликта интересов двуедина. С одной стороны, она выражается в столкновении интересов между сторонами, влекущем правовые последствия для его участников (юридический аспект); с другой стороны, конфликт интересов имеет и моральноэтическую, не регулируемую правом сторону. Тесно переплетаются с конфликтом интересов такие негативные явления, как кумовство, фаворитизм, злоупотребление полномочиями и иные формы коррупции, источником которой выступает конфликт интересов. Более того, отсутствие культуры выхода из ситуации конфликта интересов порождает коррупцию»[4].

А.Ю. Нисневич считает, что «Конфликт интересов в общем случае — ситуация, которая возникает в тех случаях, когда человек (или фирма) действует одновременно в двух или нескольких различных ипостасях и цели этих действий расходятся между собой»[5].

По мнению Д.Ю. Зенкова «Конфликт интересов сам по себе не является проступком, однако, неспособность распознать это или должным образом урегулировать его, в лучшем случае, неверна или, в худшем случае, преступна. В основе конфликта лежат субъективно-объективные противоречия, однако, эти явления (противоречие и конфликт) не следует отождествлять. Имея разные взгляды нельзя точно указать, что каждое противоречие можно инфицировать как конфликт. Противоречия могут длиться в течение долгого периода, так и не переходя в конфликт. Конфликт возникает, когда личный интерес может повлиять на выполнение служебных обязанностей. По сути, он происходит в уме. Это подрывает или нарушает компетентное суждение лица до такой степени, что оно не может функционировать в соответствии с ролью или общественным долгом. Группа противоречий относящихся к интересу, статусу, а также моральным достоинствам личности или группы можно считать генезисом конфликта»[3].

А.Ф. Ноздрачев трактует конфликт интересов как «купля-продажа или другие формы эквивалентного обмена государственно-властных полномочий с целью получения материальных или других социально значимых благ. Во всех случаях конфликта интересов властные полномочия используются государственными (муниципальными) служащими в личных интересах. Глубина такого конфликта зависит не только от личных качеств государственных служащих, предопределяющих мотивацию корыстного поведения государственного служащего, но и от факторов, среди которых важными являются правовые, организационные и нравственные "пороки" на государственной (муниципальной) службе» [6]

Исходя из вышеуказанного, можно сделать следующие выводы:

- конфликт интересов возникает при осуществлении должностных обязанностей на государственной службе;

- конфликт интересов основывается на личной заинтересованности государственного или муниципального служащего (материальной и иной);

- конфликт интересов противоречит интересам государства и общества.

Исходным «фундаментом» для анализа понятия «конфликт интересов», содержащегося в отечественном законодательстве, следует считать определения данного понятия в международных правовых актах, в которых они появились впервые. Эти определения имели и имеют важное значение в формировании ориентиров и базовых элементов понятия «конфликт интересов» в российском законодательстве о государственной (муниципальной) службе и о противодействии коррупции.

Собственно, само введение в российское законодательство понятия «конфликт интересов» обусловлено международными обязательствами России, вытекающими из Конвенции ООН против коррупции (2003 г.). В Конвенции ООН сам термин «конфликт интересов» не используется, но его сущность выражена достаточно определенно близкими по смыслу словами: «коллизия интересов», «противоречия интересов» и др.

В статье 8 Рекомендации № R (2000)10 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно кодексов поведения для государственных служащих, принятой на 106-й сессии Комитета министров 11 мая 2000 г., указано, что: «государственный служащий должен стремиться к тому, чтобы не было конфликта между его частными интересами и выполняемыми им государственными обязанностями. Он обязан избегать таких конфликтов, независимо от того, являются ли они реальными, потенциальными или могущими выглядеть как таковые».

В статье 13 вышеуказанной Рекомендации дается следующее определение конфликта интересов: «Конфликт интересов возникает в такой ситуации, когда государственный служащий имеет личный интерес, который может повлиять или показаться влияющим на беспристрастное и объективное выполнение им своих обязанностей». К личному интересу государственного служащего относится любое преимущество (выгода) для него (нее) самого, для его семьи, родителей, друзей или близких, для лиц или организаций, с которыми он или она имеют либо имели деловые или политические отношения. К личному интересу относится также любое финансовое или гражданское обязательство, которое несет данный государственный служащий.

Что касается публичного управления и государственно-служебных отношений, то впервые термин «конфликт интересов» был использован Президентом Российской Федерации в Указе от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Позже получил закрепление в федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской

службе». Конфликт интересов был представлен как ситуация, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, то такому не место во власти, в аппарате государственного и муниципального управления[1].

В настоящее время определение понятия конфликт интересов содержится в части 1 ст. 10 ФЗ от 25.12.2008 N 273 «О противодействии коррупции». Здесь этот термин трактуется как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)[2]

Стоит отметить, что предложенное законодателем определение не лишено недочётов. Так, словосочетание «объективное исполнение должностных обязанностей» само по себе несёт сугубо оценочный, а значит субъективный характер. Также, не совсем понятно, кто правомочен на первом этапе развития конфликтной ситуации давать оценку «объективности» исполнения обязанностей государственного служащего. Наиболее приемлемым кажется подход, когда это вышестоящий по службе руководитель, либо же сам служащий. В связи с этими выводами, разумно было бы конкретизировать определение, путём увязки «объективности» исполнения полномочий с положениями должностного регламента (служебного контракта) конкретного служащего в зависимости от его должности.

При этом под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, замещающим должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми указанное лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями[3].

Интересы, безусловно, отражают осознанные или неосознанные потребности человека, благодаря чему имеют свое мотивационное значение и лежат в основе деятельности индивидов. Вместе с тем, интерес нельзя

полностью отождествить с потребностью, поскольку последняя, по определению, носит инстинктивный, даже физиологический, характер, интерес же определяется социальной направленностью и осознанностью.

В основе интереса может лежать не только осознанная потребность, но и более сложные социально-психологические механизмы: социальная значимость объекта интереса, его принадлежность субъекту – носителю интереса, эмоциональная привлекательность, связанность с другими интересами субъекта или других, значимых для него, субъектов и т.п.

Стоит отметить, что конфликтом интересов не обязательно является коррупция, которая понимается как фактическое злоупотребление государственной должностью для частных преимуществ. Но конфликт интересов в ряде случаев подразумевает возможность такого злоупотребления.

Поэтому конфликты между личной заинтересованностью и должностными обязанностями должностных лиц должны быть правильно определены, надлежащим образом должно быть установлено управление и эффективное разрешение таких ситуаций.

Оставаясь неразрешенным, конфликт интересов может привести к коррупционному поведению, злоупотреблению служебным положением, неправомерному поведению или иным противоправным действиям. Что еще более важно, доверие общественности к деятельности государственных служащих также может быть утрачено[8].

Конфликт интересов, как и коррупция в целом, порождаются в значительной степени несовершенством законодательства о государственной службе и недостаточной внутриведомственной правоприменительной практикой. Государственные (муниципальные) служащие и должностные лица не заинтересованы в разоблачении ситуаций конфликта интересов, ибо это чревато негативными последствиями не только для их личных интересов, но и для имиджа государственного (муниципального) органа. Демонстрация лояльности к руководителям и правонарушителям сулит только личные выгоды государственному (муниципальному) служащему.

Главное следствие конфликта интересов - снижение качества выполнения должностных функций, понижение значимости различных государственных и общественных сфер, игнорирование публичных интересов. Предупреждение конфликта интересов способствует качественному осуществлению государственных полномочий. Конфликт интересов ставит под угрозу ценности института государственной (муниципальной) службы, поражая организационные, правовые и нравственные основы государства. При конфликте интересов: - публичный интерес заменяется частными интересами; - подрывается "правление закона" и требование законности; - нарушаются принципы толерантности, равенства и прозрачности в пользу частных интересов государственных

(муниципальных) служащих, обладающих секретным и привилегированным доступом к публичным ресурсам (материальным, финансовым, информационным и др.).

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/;
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/;
3. Д.Ю. Зенков Правовая идентификация и правовое регулирование конфликта интересов // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2023. 3(102). [Электронный ресурс] URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/15063>;
4. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов. Издательство Юрайт, 2024. с. 96 — URL: <https://urait.ru/bcode/541526/p.96>;
5. Ю.А. Нисневич. Конфликт интересов как потенциальная угроза возникновения коррупции / [Электронный ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/6tmbz4bclf/direct/127101690>;
6. А.Ф. Ноздрачев и др. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование // Научно-практическое пособие 2019 г.;
7. Е.В. Охотский. Понятие «конфликт интересов» в административном праве Российской федерации. / Журнал «Управление: проблемы и перспективы» с. 3/ [Электронный ресурс] URL: http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/011_ohotskiyev.pdf;
8. М.М. Пивоварова. Проблема конфликта интересов в системе государственной службы // Конституционное и муниципальное право 2018 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://vestnik-muiv.ru/article/problema-konflikta-interesov-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby/>.

Об авторе:

КОРСАКОВ Андрей Алексеевич – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

МЕРЫ И СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.С. Короткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Антонова Н.А.

В статье анализируется система мер и средств противодействия коррупции в системе органов внутренних дел. Рассматриваются элементы системы мер противодействия коррупции, а также специфика антикоррупционной деятельности в органах внутренних дел.

Ключевые слова: противодействие коррупции, органы внутренних дел, антикоррупционное поведение, МВД России, правоохранительная система.

Формирование эффективной системы мер противодействия коррупции в органах внутренних дел (далее - ОВД) представляет собой одно из наиболее значимых и одновременно трудновыполнимых направлений современной государственной правовой политики. Сложность обусловлена двойственным положением сотрудников ОВД в системе антикоррупционных правоотношений: с одной стороны, они выступают ключевыми субъектами выявления, пресечения и расследования коррупционных преступлений, с другой — сами подвержены высокому коррупционному риску в силу характера выполняемых властных полномочий и специфики служебной деятельности. Как справедливо отмечают Синельникова Т.С. и Свечников Н.И., участие сотрудников ОВД в коррупционных отношениях представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку именно они призваны осуществлять защиту государства и граждан от преступных посягательств, а своими противоправными действиями подрывают авторитет всей правоохранительной системы [7].

Противодействие коррупции в ОВД представляет собой систему целенаправленных действий, осуществляемых на различных уровнях государственного управления и включающих комплекс взаимосвязанных элементов. Легальное определение противодействия коррупции закреплено в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который регламентирует три основных составляющих:

- а) предупреждение коррупции, включая выявление и устранение причин коррупции;
- б) борьбу с коррупцией (выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений);
- в) минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

Применительно к системе органов внутренних дел содержание указанных направлений приобретает специфические черты, обусловленные статусом сотрудников, характером их профессиональной деятельности и особенностями организации службы.

В юридической науке под средствами противодействия коррупции принято понимать специализированные инструменты воздействия на коррупционные отношения, с помощью которых происходит формирование, изменение или прекращение соответствующих правоотношений, удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей. Применительно к органам внутренних дел такие средства можно классифицировать по различным основаниям: в зависимости от направленности воздействия (предупредительные и ограничительные), от правовой природы (административно-правовые, дисциплинарные, уголовно-правовые), от субъектного состава (внешние и внутренние). Заброда Д.Г. и Якустиди С.А. в научном труде справедливо отмечают, что административно-правовые средства противодействия коррупции в ОВД занимают особое место, поскольку именно они позволяют осуществлять непрерывный контроль за соблюдением антикоррупционных требований на всех этапах прохождения службы [6].

Особого внимания заслуживает концепция антикоррупционной безопасности сотрудников ОВД, предложенная в современной научной литературе. В отличие от традиционного подхода, ориентированного преимущественно на выявление и наказание коррупционеров, данная концепция предполагает достижение баланса между мерами противодействия коррупции и мерами защиты добросовестных сотрудников от необоснованных обвинений и клеветы. Такой подход представляется методологически значимым, поскольку позволяет учитывать не только необходимость борьбы с коррупцией как негативным явлением, но и риски, связанные с возможностью использования антикоррупционного инструментария для сведения личных счетов или оказания давления на сотрудников [5].

Важнейшим элементом системы мер противодействия коррупции в ОВД является кадровая работа, включающая тщательный отбор кандидатов на службу, проверку предоставляемых ими сведений, мониторинг доходов и расходов, а также регулярную оценку соответствия сотрудников занимаемой должности. Статистические данные свидетельствуют о значительных масштабах этой работы: ежегодно проверке подвергаются сведения о доходах более чем 540 тысяч сотрудников, работников и служащих системы МВД России. При этом особое значение приобретает институт утраты доверия, который, как показывают данные мониторинга, применяется к сотрудникам, допустившим коррупционные нарушения, включая лиц, занимающих руководящие должности.

Существенным компонентом антикоррупционной деятельности является также формирование у сотрудников ОВД антикоррупционного поведения, что предполагает не только знание законодательных запретов и ограничений, но и устойчивую мотивацию к их соблюдению, нетерпимость к коррупционным проявлениям как со стороны коллег, так и со стороны граждан. Данная задача решается посредством реализации образовательных программ, проведения разъяснительной работы и внедрения специальных учебных курсов в систему профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Анализ системы мер и средств противодействия коррупции в органах внутренних дел, их классификация и оценка эффективности создают необходимую основу для последующего выявления проблемных аспектов правового регулирования и правоприменительной практики, а также для выработки предложений по совершенствованию антикоррупционной деятельности в исследуемой сфере.

Специфика антикоррупционной деятельности в органах внутренних дел обусловлена двойственным статусом сотрудника: с одной стороны, он является носителем властных полномочий, с другой — сам выступает объектом профилактического воздействия. Данное обстоятельство предопределяет необходимость формирования многоуровневой системы мер, сочетающей в себе как общие (свойственные всей системе государственной службы), так и специальные (учитывающие специфику правоохранительной деятельности) средства противодействия коррупции.

В юридической науке сложилось несколько подходов к классификации антикоррупционных мер применительно к системе органов внутренних дел. Представляется обоснованным выделение следующих оснований классификации:

1. По направленности воздействия: меры предупредительные (профилактические) и меры ограничительные (пресекательные).

2. По правовой природе: меры дисциплинарной, административной и уголовно-правовой ответственности.

3. По субъектному составу: меры внешнего воздействия (осуществляемые органами прокуратуры, суда) и меры внутреннего воздействия (осуществляемые подразделениями собственной безопасности, кадровыми аппаратами).

4. По этапам прохождения службы: меры, применяемые при поступлении на службу, в период прохождения службы и при прекращении службы.

Как отмечается во многих научных трудах, совершенствование профилактических мер, направленных на предупреждение коррупционных нарушений, остается основным важнейшим фактором борьбы с коррупцией в правоохранительной системе. В связи с этим особое внимание в рамках

настоящего параграфа будет уделено именно предупредительным средствам, поскольку их эффективность определяет общее состояние законности и правопорядка в системе органов внутренних дел.

Система предупредительных мер противодействия коррупции в ОВД включает в себя комплекс правовых, организационных и воспитательных средств, направленных на формирование у сотрудников антикоррупционного поведения и минимизацию условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений.

Фундаментальной основой предупреждения коррупции в органах внутренних дел является система антикоррупционных стандартов, под которыми понимаются установленные нормативными правовыми актами правила поведения, ограничения, запреты и обязанности, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений. Как справедливо отмечается в научной литературе, именно стандартизация антикоррупционных требований позволяет унифицировать подходы к профилактике коррупционных проявлений и создать общие условия для всех сотрудников.

К числу основных антикоррупционных стандартов, установленных для сотрудников органов внутренних дел, относятся:

1. Запреты и ограничения, связанные с прохождением службы:

- запрет на занятие предпринимательской деятельностью;
- запрет на получение вознаграждений (подарков, денежного вознаграждения, ссуд, услуг) в связи с исполнением должностных обязанностей;
- ограничения на работу по совместительству;
- обязанность передавать в доверительное управление ценные бумаги, акции (доли участия) в уставных капиталах организаций.

2. Обязанность представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. В соответствии с приказом МВД России от 11 декабря 2019 г. № 925, в системе МВД России скорректирован порядок представления сведений о доходах, в частности, отчитываться теперь также должны инспекторы по розыску, а в подразделениях патрульно-постовой службы полиции сведения подают только средний и старший начальствующий состав. Заполненные справки о доходах подписываются начальниками кадровых подразделений [3].

3. Обязанность урегулирования конфликта интересов. Сотрудник обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов, а в случае его возникновения - уведомить непосредственного руководителя и подразделение по профилактике коррупционных правонарушений.

Важнейшим профилактическим средством выступает обязанность сотрудника уведомлять руководство, органы прокуратуры или другие

государственные органы о каждом случае обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. В соответствии с приказом МВД России № 512, утвердившим в 2025 году новый Порядок уведомления в системе МВД о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, установлены единые процедуры для сотрудников органов внутренних дел, федеральных госслужащих системы МВД и работников подведомственных организаций [2].

Ключевые параметры данного механизма включают:

- сроки подачи уведомления: в день поступления обращения (при нахождении в отпуске, командировке или на больничном - не позднее следующего рабочего дня после выхода на службу) .

- содержание уведомления: сведения о лице-инициаторе, предполагаемое деяние, способ склонения, дата, время, место и обстоятельства обращения.

- каналы подачи: лично уполномоченному руководителю; через непосредственного начальника; в подразделение собственной безопасности; в подразделение по профилактике коррупционных правонарушений; посредством сервиса электронного документооборота МВД.

- сроки рассмотрения: один рабочий день - уполномоченным руководителем (или пять рабочих дней - если адресатом был Министр). Проверка изложенных фактов проводится в течение семи рабочих дней.

Следует отметить, что новый порядок, в отличие от ранее действовавшего, не предусматривает обязательного приложения подтверждающих материалов к уведомлению, а также исключает коллективные заявления и запрещает разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Это, с одной стороны, упрощает процедуру подачи уведомления, с другой - может породить риски необоснованных обвинений при отсутствии объективного подтверждения.

Формирование у сотрудников антикоррупционного правосознания является одним из приоритетных направлений профилактической работы. В соответствии с ведомственными нормативными актами, в систему профессиональной подготовки сотрудников ОВД включены:

- изучение нормативных правовых актов о противодействии коррупции;
- разъяснение ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- формирование навыков антикоррупционного поведения (включая порядок действий при склонении к коррупции);
- проведение воспитательных мероприятий, направленных на формирование негативного отношения к коррупции.

Как справедливо отмечается в приказе МВД России № 293, эффективность антикоррупционной деятельности напрямую зависит от уровня правовой грамотности и антикоррупционной культуры личного состава. В связи с этим предусмотрена разработка программ антикоррупционной подготовки для всего личного состава, что позволяет выявлять и предотвращать коррупционные проявления на ранних стадиях [4].

Наряду с правовыми средствами, существенное значение в механизме противодействия коррупции играют организационно-контрольные меры. В системе МВД России функционируют специализированные подразделения, на которые возложены задачи по выявлению, предупреждению и пресечению коррупционных проявлений. К их числу относятся:

1. Подразделения собственной безопасности осуществляют оперативно-розыскную деятельность, направленную на выявление коррупционных проявлений среди сотрудников ОВД, а также проводят служебные проверки по фактам нарушений антикоррупционного законодательства.

2. Подразделения по профилактике коррупционных правонарушений реализуют превентивные меры: организуют антикоррупционное обучение, проводят антикоррупционный мониторинг, обеспечивают соблюдение сотрудниками установленных запретов и ограничений.

3. Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК МВД России) осуществляет противодействие коррупции и борьбу с организованной преступностью экономического характера на общесистемном уровне.

Как отмечается в аналитических материалах, в задачи антикоррупционных подразделений российской полиции входит выявление и предотвращение случаев коррупции в правоохранительных органах, расследование преступлений, связанных с коррупцией, и разработка превентивных мер, направленных на минимизацию возможностей для противоправных действий.

Под антикоррупционным мониторингом в системе ОВД понимается систематическая деятельность по сбору, анализу и оценке информации о:

- состоянии законности и дисциплины среди личного состава;
- фактах нарушений антикоррупционного законодательства;
- эффективности принимаемых мер по предупреждению коррупции;
- коррупциогенных факторах, влияющих на деятельность подразделений.

По результатам мониторинга формируются аналитические материалы, на основе которых корректируется антикоррупционная политика и принимаются управленческие решения. Как указывается в правовой литературе, регулярные аудиты финансовой и административной

деятельности помогают выявить потенциальные коррупционные риски и обеспечить соблюдение этических норм .

Система мер противодействия коррупции в ОВД включает также средства, направленные на пресечение коррупционных правонарушений и привлечение виновных лиц к юридической ответственности.

Наиболее распространенным видом ответственности за коррупционные правонарушения в ОВД является дисциплинарная ответственность. К сотрудникам, допустившим нарушения антикоррупционного законодательства, могут применяться следующие взыскания:

- замечание;
- выговор;
- строгий выговор;
- предупреждение о неполном служебном соответствии;
- увольнение со службы в связи с утратой доверия.

Институт утраты доверия занимает особое место в системе дисциплинарных мер, поскольку применяется к сотрудникам, совершившим коррупционные проступки, в том числе: непредставление или представление неполных (недостоверных) сведений о доходах и имуществе; непринятие мер по урегулированию конфликта интересов; нарушение запретов и ограничений, установленных антикоррупционным законодательством.

За совершение коррупционных преступлений (получение взятки - ст. 290 УК РФ, дача взятки - ст. 291 УК РФ, посредничество во взяточничестве - ст. 291.1 УК РФ, злоупотребление должностными полномочиями - ст. 285 УК РФ и др.) сотрудники ОВД привлекаются к уголовной ответственности на общих основаниях [1]. Особенностью является то, что совершение преступления сотрудником правоохранительного органа может рассматриваться как отягчающее обстоятельство, а также влечет дополнительные негативные последствия (например, лишение специального звания, невозможность дальнейшего прохождения службы).

В научной литературе и ведомственных документах предлагаются различные критерии оценки эффективности антикоррупционных мер. К их числу относятся:

1. Количественные показатели: количество выявленных коррупционных правонарушений; количество привлеченных к ответственности сотрудников; количество направленных в суд уголовных дел коррупционной направленности; сумма возмещенного ущерба.

2. Качественные показатели: уровень доверия граждан к органам внутренних дел; результаты социологических опросов о восприятии коррупции в правоохранительной системе; состояние законности и дисциплины среди личного состава.

Как отмечается в правовой литературе, оценка эффективности антикоррупционных мер должна быть комплексной и включать не только

статистические показатели, но и анализ структурных изменений, произошедших в системе, а также оценку влияния антикоррупционных мер на общую атмосферу в коллективах. Важным инструментом мониторинга выступают регулярные опросы сотрудников, которые позволяют определить уровень осведомленности о коррупции и потенциальных нарушениях.

Проведенный анализ позволяет выявить ряд проблемных аспектов, снижающих эффективность мер противодействия коррупции в системе органов внутренних дел.

1. Формальный подход к реализации антикоррупционных процедур. Несмотря на наличие разветвленной нормативной базы, на практике нередко наблюдается формальное отношение к исполнению антикоррупционных требований (представление сведений о доходах «для галочки», формальное проведение антикоррупционных проверок и т.д.).

2. Недостаточная независимость подразделений собственной безопасности. Являясь структурными элементами тех же органов, которые они призваны контролировать, подразделения собственной безопасности объективно не обладают полной независимостью, что создает риски сокрытия коррупционных эпизодов.

3. Отсутствие эффективной защиты для «внутренних разоблачителей». Действующее законодательство не предоставляет надежных гарантий сотрудникам, сообщающим о коррупционных проявлениях среди коллег или начальства, что создает атмосферу круговой поруки.

4. Проблемы доказывания коррупционной направленности действий. Привлечение сотрудника к ответственности (особенно по институту утраты доверия) затруднено в случаях отсутствия прямых доказательств (например, при использовании служебного положения в интересах третьих лиц без личного обогащения).

5. Несовершенство механизма уведомления о склонении к коррупции. Хотя новый порядок упростил процедуру подачи уведомления, отсутствие обязательного приложения подтверждающих материалов создает риски использования данного механизма для необоснованного оговора добросовестных сотрудников.

Проведенный анализ системы мер и средств противодействия коррупции в органах внутренних дел позволяет сделать вывод о наличии разветвленной нормативной и организационной основы антикоррупционной деятельности. Вместе с тем, выявленные проблемные аспекты свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как правового регулирования, так и правоприменительной практики в данной сфере. Вопросы, связанные с устранением выявленных недостатков и повышением эффективности антикоррупционных мер, будут детально рассмотрены в заключительной части настоящего параграфа.

Проведенный в рамках данного параграфа анализ системы мер и средств противодействия коррупции в органах внутренних дел позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, установлено, что система мер противодействия коррупции в ОВД носит комплексный и многоуровневый характер, включая в себя предупредительные (профилактические) и пресекательные средства, правовые и организационные инструменты, внешние и внутренние механизмы контроля. Ключевое место в данной системе занимают антикоррупционные стандарты поведения, обязанность представления сведений о доходах и имуществе, механизм уведомления о фактах склонения к коррупции, а также деятельность специализированных антикоррупционных подразделений (собственной безопасности, по профилактике коррупционных правонарушений, ГУЭБиПК МВД России).

Во-вторых, выявлено, что наиболее значимым профилактическим средством выступает институт уведомления о фактах склонения к коррупции, который в 2025 году был существенно реформирован приказом МВД России № 512. Установлены четкие сроки подачи уведомления (в день обращения), определены каналы его направления (непосредственному руководителю, в подразделение собственной безопасности, посредством электронного документооборота), а также регламентированы сроки рассмотрения (один или пять рабочих дней в зависимости от адресата). Вместе с тем, отсутствие обязательного приложения подтверждающих материалов создает риски необоснованного оговора добросовестных сотрудников, что требует дополнительного правового регулирования.

В-третьих, обосновано, что эффективность антикоррупционных мер напрямую зависит от качества кадровой работы, включающей тщательный отбор кандидатов на службу, проверку предоставляемых ими сведений, мониторинг доходов и расходов, а также регулярную оценку соответствия сотрудников занимаемой должности. Ежегодно проверке подвергаются сведения о доходах более чем 540 тысяч сотрудников, работников и служащих системы МВД России, что свидетельствует о значительных масштабах данной работы.

В-четвертых, выявлен ряд системных проблем, снижающих эффективность антикоррупционной деятельности в ОВД: формальный подход к реализации антикоррупционных процедур, недостаточная независимость подразделений собственной безопасности, отсутствие эффективной защиты для «внутренних разоблачителей», проблемы доказывания коррупционной направленности действий, несовершенство механизма уведомления о склонении к коррупции. Указанные недостатки создают условия для возникновения и распространения коррупционных

проявлений в правоохранительной среде и требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования.

В-пятых, проведенный анализ позволяет констатировать, что несмотря на наличие разветвленной нормативной и организационной основы противодействия коррупции в органах внутренних дел, существующие меры и средства не в полной мере обеспечивают достижение поставленных целей. Это обуславливает необходимость не только совершенствования законодательства, но и формирования в системе ОВД устойчивой антикоррупционной культуры, нетерпимого отношения к любым коррупционным проявлениям, а также создания реальных, а не формальных механизмов контроля и ответственности.

Таким образом, система мер и средств противодействия коррупции в органах внутренних дел представляет собой сложное, многокомпонентное образование, эффективность функционирования которого зависит от согласованности всех его элементов, а также от способности системы своевременно реагировать на новые вызовы и угрозы. Выявленные проблемные аспекты создают методологическую основу для последующего анализа пробелов законодательства, создающих условия для возникновения и распространения коррупционных проявлений в правоохранительной системе, и выработки предложений по их устранению.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ// Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

2. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28.07.2025 № 512 «Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509020004> (дата обращения: 01.03.2026)

3. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11.12.2019 № 925 «О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам противодействия коррупции» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/anticorr/NPA/acts> (дата обращения: 01.03.2026)

4. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 19.04.2010 № 293 «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений». [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/13278> (дата обращения: 01.03.2026)

5. Гармаев Ю. П. Основы концепции антикоррупционной безопасности сотрудников правоохранительных органов. Журн. Сиб. федер. ун-- та. Гуманитарные науки, 2025, 18(8), 1497– 1504.

6. Заброда Д.Г., Якустиди С.А. Административно-правовые средства противодействия коррупции в органах внутренних дел: современное состояние и пути совершенствования // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2020. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-sredstva-protivodeystviya->

[korruptsii-v-organah-vnutrennih-del-sovremennoe-sostoyanie-i-puti](#)
обращения: 05.03.2026).

(дата

7. Синельникова Т.С., Свечников Н.И. Средства и меры противодействия коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2024. №2 (46). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-i-mery-protivodeystviya-korruptsii-v-organah-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii>
обращения: 05.03.2026).

(дата

Об авторе:

КОРОТКОВА Анна Сергеевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ПЕТРА I ДО ЕКАТЕРИНЫ II

А.С. Никитенков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., Н.А. Антонова

В работе проведен анализ правовых основ противодействия коррупции в период Российской империи, исследован исторический опыт противодействия коррупции
Ключевые слова: коррупция, исторический опыт, противодействие

В Российской империи сложилась своя специфическая терминология, которая четко разграничивала виды коррупционных преступлений. Основными формами считались казнокрадство (присвоение бюджетных средств) и взяточничество. Последнее, в свою очередь, подразделялось на «мздоимство» — получение неправомерного вознаграждения за совершение законных действий, и «лихоимство» — за совершение действий незаконных, являвшееся более тяжким преступлением. Двойственность восприятия коррупции в общественном сознании того времени была следствием столкновения пережитков традиционного родового сознания с модернизационными процессами, которые несли с собой идеи Просвещения, чести и достоинства личности.

На протяжении всей истории Российской империи верховная власть предпринимала попытки обуздать это зло. Можно выделить несколько этапов в эволюции антикоррупционной политики, каждый из которых отличался своими методами, степенью успеха и системными противоречиями [1].

Именно с эпохой Петра I связано начало системной, осознанной борьбы с коррупцией на государственном уровне. Петр Великий первым осознал, что взяточничество и казнокрадство не просто отдельные пороки, а зло, подрывающее бюджет страны, разлагающее общество и ставящее под удар все его реформы.

К моменту формирования Российской империи государство пришло с устоявшимся бюрократическим аппаратом и вековыми традициями «кормления», которые практически невозможно было искоренить. Под термином «кормление» понимается византийский обычай подношения подарка чиновникам за их работу. Он далеко не всегда измерялся в исключительно денежном эквиваленте. Часто чиновники получали так же продукты питания, так как общегосударственная система оплаты их труда была практически не сформирована. Подобная благодарность не считалась взяточничеством и никак не порицалась, а для государства, не имеющего возможности содержать свой чиновничий аппарат, была отличным выходом

из ситуации. Однако подобный подход содержал в себе массу подводных камней и в первую очередь сложности в разграничении понятий обычной благодарности в рамках «кормления» и взятки[2].

Пётр I пришел к власти в условиях, когда взяточничество достигло своего вершины. Оно считалось в государственных структурах практически нормой. Царь-реформатор провёл небывалую до этого борьбу с казнокрадством. В 1721 году сибирский губернатор князь М. П. Гагарин за занижение реальных доходов губернии, взятки и вымогательства, угрозы купцам, присвоение казённых средств был подвергнут смертной казни. Через несколько лет был лишён имения и приговорён к казни и его родственник вице-канцлер П. П. Шафиров[3].

При Петре I борьба с коррупцией получила новое развитие - царь собственным примером пытался показать, что жить честно на положенное ему жалованье возможно. С этой целью реформатор получал ежемесячно определенную сумму денег согласно своему званию, на которую и жил. Современники отмечали, что бывало и нередко государь испытывал острую нужду в деньгах. Но, несмотря на это, не отходил от своих принципов. Чтобы научить чиновников жить по положенным доходам и искоренить принцип «кормлений», царь назначил им фиксированное жалованье. Но на местах оно не выплачивалось вовремя, и взяточничество продолжало процветать. Царь периодически издавал всевозможные указы, предусматривающие наказания для коррупционеров. Своих приближенных, которые воровали в огромных количествах, Петр I лично бил палками и плетью[4].

Но коренным образом исправить положение царю так и не удалось. Воровство и взяточничество попрежнему процветало по всей России. Однажды рассерженный император даже решил издать указ о повешении каждого, кто украдет сумму, достаточную для покупки веревки. Генерал-прокурор Ягужинский отмечал, что при таких порядках император вскоре может остаться без служителей и подданных. Тем самым он признавал, что воровством занимаются все, единственное отличие в возможностях и размерах. Император не смирился и продолжил свои законотворческие инициативы. 17 марта 1714 г. был издан «Указ о фискалах и о их должности и действии», регламентирующий полномочия фискалов и меры по борьбе с взяточничеством и казнокрадством, а в 1715 г. был принят Артикул Воинский, в котором впервые в истории российского права была реализована попытка систематизации уголовно-правовых норм. В нём были описаны такие преступления, как злоупотребление властью в корыстных целях, взяточничество, подделка печатей и документов, срывание указов, за которые грозило наказание в виде смертной казни, тюремного заключения или телесных наказаний.

На рубеже XVII и XVIII вв. Петр I издает указ от 24 ноября 1699 г., в котором содержится установка власти: «Для предотвращения впредь

подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших, положить на плаху, и от плахи подняв бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов (в те времена так называлась крепость на границе России с Турцией, отвоеванная у последней в результате походов Петра на юг. В настоящее время – уютный районный центр в Ростовской области в устье реки Дон) с женами и детьми объявить во все города, села и волости: кто сделает это впредь, тому быть в смертной казни без пощады». Новеллой закона стало установление практически равной ответственности для тех, кто берет взятку, и тех, кто дает. Необычность постановки вопроса законодателем состоит в том, что как будто история борьбы со взяточничеством только начинается: теперь взятки брать нельзя[5].

Ключевым шагом стал Указ от 1715 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», который ввел фиксированное жалованье для чиновников и объявил получение любого иного вознаграждения за службу уголовным преступлением. Этим указом Петр I фактически упразднил многовековую практику «кормления от дела». Была создана целая система институтов, призванных контролировать деятельность госаппарата: в 1714 году появилось специальное ведомство фискалов, задачей которого было «тайно проводывать, доносить и обличать» казнокрадов и взяточников, а позднее была учреждена прокуратура[6].

Петр I понимал, что борьбу с коррупцией нужно начинать с себя, и подавал личный пример, живя на скромное офицерское жалованье. Однако его методы были по преимуществу репрессивными и крайне жестокими. За подделку документов и злоупотребление полномочиями чиновников могли подвергнуть телесным наказаниям, посадить в тюрьму или казнить. Показательными были процессы над высокопоставленными сановниками: сибирский губернатор князь Гагарин за сокрытие доходов был повешен на собрании сенаторов, а сенаторам Волконскому и Апухтину за махинации с господрядами «обожгли языки каленым железом».

Несмотря на жесткость мер, антикоррупционная кампания Петра I не увенчалась полным успехом. Жалованье чиновникам часто было мизерным, выплачивалось нерегулярно, что толкало их обратно на путь мздоимства. Петр I, по меткому выражению одного из исследователей, «проиграл войну с Россией» в этом вопросе. Тем не менее, именно он заложил правовой и институциональный фундамент для всех последующих попыток противостоять коррупции[7].

После смерти Петра I его начинания в борьбе с коррупцией были во многом сведены на нет. Императрица Елизавета Петровна издала около 200 указов, направленных против мздоимства, однако, отменив выплату жалования чиновникам низшего уровня, она фактически сама же толкнула их обратно на «кормление».

Период истории российского государства, наступивший после смерти Петра I, можно считать застойным в вопросах противодействия коррупции.

Данная сторона кипучей деятельности Петра при его преемниках не получила никакого развития. Через год после смерти первого российского императора его вдова Екатерина I постановила, что жалование отныне будет выплачиваться исключительно министрам, «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели». В таких условиях страна быстро возвратила прежние порядки. В своих заметках о России заморские гости писали потом, что очень сложно отличить разбойников от чиновников. В особенности это касалось деятельности судей, которые выносили решения в зависимости от величины взятки. Чиновники совсем перестали бояться наказаний и постоянно поднимали размер оплаты за свои услуги [8].

Новый оборот борьба со взяточничеством в стране принимает после восшествия на престол Екатерины II. Система мздоимства, произвола и прочих злоупотреблений со стороны чиновников глубоко укоренилась в стране, о чём она сама заявила вскоре после вступления на трон. Уже спустя несколько недель после начала царствования, Екатерины II выпустила Манифест о лихоимстве. В нем описывалось множество злоупотреблений в области государственного управления и правосудия, а также приводились способы их устранения. Царица с первых дней своего правления объявила войну тем, кто разворовывает государственную казну и желает жить за счет народа.

Стоит отметить, что Екатерина II в первую очередь заботилась о своем благополучии. Ущерб от воровства, выраженный в цифрах, поверг ее буквально в шок. В связи с этим она разработала комплекс мер по борьбе с коррупцией. В первую очередь императрица вернула систему регулярных выплат жалованья всем чиновникам. Она назначила очень высокое содержание государственным служащим, которое позволяло им достойно содержать свои семьи и жить на довольно широкую ногу. Екатерина II считала, что этого будет вполне достаточно для того, чтобы снизить процент воровства. Однако чиновники продолжали массово брать взятки и никак не могли отказаться от возможности привычного получения денег. Некоторые современники императрицы, отмечали, что даже кровавый бунт Пугачева возник из-за непомерных поборов чиновников и помещиков, которые буквально забирали у простых людей каждую копейку. Императрица не единожды проводила различные проверки по губерниям и каждый раз их результат не был удовлетворительным. За все время своего правления Екатерине II так и не удалось коренным образом изменить ситуацию в стране.

В последующие этапы истории ситуация в стране только обострялась. Так, при Павле I произошло обесценивание денежных купюр. Это оказало существенное влияние и резко снизило доход чиновников. В результате они увеличивали размер и частоту своих поборов. Стоит отметить, что

коррупция в России еще не знала такого благоприятного стечения обстоятельств для развития и укоренения взяточничества как данный этап истории.

Век Екатерины II стал временем расцвета фаворитизма. За показной борьбой со взяточничеством и казнокрадством у императрицы проявлялось стремление защитить своих фаворитов и приближенных. Сама Екатерина была вынуждена реагировать на чиновничье самоуправство, подтвердив выплату фиксированного жалованья госслужащим. Реформа Сената 1763 года также была направлена на упорядочение государственного управления и надзора. Однако высокое материальное стимулирование не решило проблему. Эпоху Екатерины историки характеризуют как период, когда злоупотребления приняли еще более «разгульный и безудержный характер». Более того, продвижение частных интересов в ущерб общим, такие явления как кумовство и фаворитизм, в то время не влекли правовых последствий и не всегда даже осознавались как злоупотребление.

Екатерина II, только вступив на престол, с неподдельным энтузиазмом принялась за борьбу со взяточниками. Спустя всего 20 дней после этого знакового события она подписала суровый именной указ от 18 июля 1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства», в котором призвала к борьбе со взяточничеством. Это был просто «крик души» (у императрицы тоже такое может случаться), воззвание к совести судей, заглушенной под напором взяток. Она объявила, что главное ее попечение – обеспечить истинное правосудие для народа.

Законодательница сетовала на то, что лихоимство возросло до невероятных пределов: «...ищет ли кто места, платит; защищается от клеветы, обороняется деньгами; клеветает ли на кого кто, все происки свои подкрепляет деньгами». «Судящие освященное свое место, в котором они именем Нашим должны показывать правосудие, в торжище превращают, вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного, за пожалованный будто им доход в поправление дома своего, а не за службу, приносимую Богу, Нам и Отечеству, и мздоимством богомерзким претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого нищим».

В указе приводился конкретный пример исключительного цинизма взяточника: некий регистратор Новгородской губернской канцелярии Яков Ренбер брал с крестьян плату за... принесение присяги императрице. Виновного сослали на вечное житье в Сибирь, хотя, оговаривалось в указе, он достоин и смертной казни. Императрица обещала и впредь сурово карать лихоимцев. Историки отмечают, что на период 1762–1765 гг. (первые три года правления Екатерины Великой) приходится самое большое число преследований за взятки на протяжении полувекового периода. Впрочем, в своем порыве «покончить с лихоимством» сама императрица была не

вполне последовательна. Показательно в этом отношении дело белгородских чиновников, уличенных в злоупотреблении служебным положением. По делу проходили 39 «чиновных персон», в отношении которых состоялся суд и был вынесен приговор Правительствующего сената. Во главе белгородских коррупционеров стоял губернатор, тайный советник Салтыков. Он был обвинен во взяточничестве в крупных размерах. Сенат приговорил его к лишению должности и взысканию в пользу казны полученных взяток. Однако Екатерина проявила «высочайшую милость» и избавила его от наказания. Привлекает своим романтическим названием, сколь и монаршим идеализмом, Манифест от 15 декабря 1763 г. «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах к прекращению лихоимства и взяток». В сенатском указе от 31 декабря 1765 г. дела о лихоимстве признаны «не неважными», «разрушающими правосудие и повреждающими государственное положение», в связи с чем обращено внимание на суждение их по всей строгости. Хотя следует признать, что эти высочайшие угрозы чаще всего так и оставались на бумаге. Екатерина II, изыскивая неординарные способы искоренения взяточничества, приняла решение опубликовывать все результаты привлечения к ответственности за взяточничество для всеобщего сведения в качестве профилактической меры. 11 ноября 1766 г. был издан именной указ на эту тему.

К достижениям Екатерины II следует отнести доведенное до конца знаменитое дело помещицы Салтычихи, замучившей десятки своих крепостных крестьян. В данном контексте мы упоминаем это дело, так как в ходе его расследования были установлены ужасающие факты продажности полиции, длительное время покрывавшей изуверства безумной помещицы. Но еще более значимым (в том числе и с точки зрения сегодняшнего дня) является громкое дело в отношении самого генерал-прокурора А.И. Глебова, обвиненного в злоупотреблениях (оно началось еще при Елизавете Петровне). Итог борьбы императрицы со взятками, увы, оказался плачевным. А.С. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822 г.) екатерининскую бюрократию охарактеризовал одной фразой: «От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно». Если говорить о «целевых указах», направленных на борьбу с наиболее распространенными разновидностями лихоимства, то они относились к взяткам при наборе рекрутов, взимании разного рода сборов (причем производимых, как правило, с самых бедных и незащищенных слоев населения), межевании земель и, конечно, к «старым добрым» взяткам в суде.

Л.Н. Трефолев приводил в качестве примера своеобразный преискуронт на взятки, составленный секретарем Г. Муратовым, осужденным Ярославской палатой уголовного суда в 1789 г. за взяточничество: размер взятки устанавливался по обстоятельствам от 5 до 50 руб.. Губернская

реформа 1775 г., создавшая достаточно организованные и сильные институты власти на местах, не могла не коснуться темы взяточничества. Во-первых, законодательство о реформе настраивало губернские власти (прежде всего губернского прокурора и стряпчих) «истреблять взятки». В последующем в указах, касавшихся губернаторов, содержались настоятельные требования «стараться о пресечении гнусного лихоимства, отвращая всякое поползновение к оному всех подчиненных лиц». Усиление борьбы государства со взяточниками имело следствием не прекращение подобного рода незаконной практики, а, напротив, использование лихоимцами все более изощренных, даже можно сказать утонченных форм получения взяток, прикрытие их разнообразными легальными обоснованиями. Среди них наиболее широко применяемыми являются «подарки» чиновнику от заинтересованных лиц. Правительство достаточно быстро «раскусило» это ухищрение, и один за одним появляются указы, запрещающие или ограничивающие получение подарков чиновниками[9].

Так, Устав благочиния (1782 г.) категорически запрещал должностным лицам под страхом наказания брать по делам службы подарки, плату и т.п. Впрочем, это не мешало Екатерине раздавать в качестве подарков дворцы, тысячи крестьян, килограммы драгоценностей своим фаворитам. Злые языки утверждали, что один Г. Потемкин за двадцать лет своего «близкого знакомства» с императрицей выкачал из государственной казны около 50 млн руб.. «Под конец царствования, – утверждал Г.Р. Державин, поэт, государственный деятель, близко общавшийся с Екатериной, – так послаблено сие злоупотребление (взяточничество. – Авт.), что можно сказать – на словах запрещалось, а на деле одобрялось».

Действительно, Екатерина II смотрела на взяточничество, особенно своих приближенных, сквозь пальцы. Она могла просто посмеяться над вельможами-взяточниками: так, Р. Воронцова она назвала «Роман – большой карман», а другому подарила вязаный кошелек – для складывания взяток. Она отдавала себе отчет, что если убрать одного взяточника, то его место займет другой. Как-то с присущим ей трезвым цинизмом сказала Державину, что генерал-губернатор, долго служивший, уже наворовался, а новый только начнет воровать.

История борьбы с коррупцией в Российской империи — это история невыученных уроков. Она демонстрирует, что никакие указы, самые жестокие наказания или специальные карательные органы не способны искоренить коррупцию, если не меняются сами принципы функционирования государства и общества, не создается атмосфера нетерпимости к этому злу и не обеспечивается неотвратимость наказания вне зависимости от чинов и званий.

Список литературы

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 583 с
2. Каменский А. Б. . От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. РГГУ, 1999. Стр. 195.
3. Просандеева Н. В. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В ИСТОРИИ // История государства и права, 2024, N 2
4. Варфоломеева Н.П.. Исторический опыт борьбы с коррупцией // Основы экономики управления и права. 2021, №5
5. К. К. П. Барциц, К. П. Краковский // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 3. – С. 117-137.
6. Кораблев, Г. Г. Противодействие коррупции в Российской Империи / Г. Г. Кораблев // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 4(32). – С. 276-280.
7. Сергей Михайлович Иншаков, Вера Александровна Казакова Петровский опыт борьбы с коррупцией: опередивший Ли Куан Ю // Государственная служба и кадры. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petrovskiy-opyt-borby-s-korrupsiyey-operedivshiy-li-kuan-yu> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Чашин А. Н. Коррупция в России. — М.: Дело и Сервис, 2009. — С. 67-68
9. Трефолев Л.Н. Такса на взятки // Исторический вестник. 1882. 223 с

Об авторе:

НИКИТЕНКОВ Артемий Сергеевич – студент 2 курса магистратуры программы подготовки «Правовые основы противодействия коррупции» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nikitenkovartemy@yandex.ru

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ» И «КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ»

А.С. Писарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., Н.А. Антонова

В работе рассмотрены понятия «коррупциогенный фактор» и «коррупционный риск», а также их соотношение. Исследованы различные области оценки коррупционных рисков

Ключевые слова: коррупция, коррупциогенный фактор, коррупционный риск

В сфере противодействия коррупции имеют место смежные понятия, которые так или иначе связаны с понятием «коррупциогенный фактор».

Одним из ближайших понятий к вышеуказанному является «коррупционный риск». При этом, легальное определение не закреплено в нормативных правовых актах, а основные антикоррупционные федеральные законы в принципе не содержат данный термин. Однако существуют различные разъяснительно-информационные документы, посвященные выявлению и минимизации коррупционных рисков. Это обстоятельство является дефектом правового регулирования, поскольку необходимость данного проистекает из признания профилактики коррупции в качестве одного из направлений противодействия коррупции (подп. а, п. 2, ст. 1 ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Так, Министерством труда и социальной защиты РФ, а также Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам разработаны методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков по следующим направлениям:

1. Для использования федеральными государственными органами и государственными корпорациями (государственной компанией) при реализации их функций [1];
2. Для использования в работе федеральными органами исполнительной власти, реализующими контрольно-надзорные функции [2];
3. Для использования в организациях [3].

При этом, дефиницию понятия не содержат наиболее ранние методические рекомендации (п. 1 настоящего перечня).

Так, согласно Методическим рекомендациям по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции коррупционный риск – это вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими. Соответственно, в данном

случае коррупционные риски рассматриваются весьма широко, отсутствует привязка к субъекту или его сфере.

А исходя из Рекомендаций по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации, под коррупционным риском следует понимать возможность совершения работником организации, а также иными лицами от имени или в интересах организации коррупционного правонарушения. Таким образом, настоящее определение является более узким, специальным, основывается на субъекте (работнике организации).

Представляется возможным объяснить данную трансформацию тем, что последний акт был принят несколько позже, учтен опыт ранних методических рекомендаций. При этом, остается неясным отсутствие дефиниции рассматриваемого в Методических рекомендациях по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, особенно после принятия двух следующих методических рекомендаций.

Также весьма оптимально иметь в виду правовое понимание риска в принципе, так, это вероятное наступление события и совершения действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере [6, с. 135].

Соответственно, коррупционный риск, как и любой риск, это возможность, некая гипотетическая потенциальная опасность совершения коррупционного правонарушения, проистекающая из конкретной деятельности.

Исходя из указанного, можно говорить о достаточно тесной связи коррупционных рисков и коррупциогенных факторов, но также и о имеющихся различиях.

Пункт 1 Методических рекомендаций по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции указывает, что оценка коррупционных рисков позволяет провести анализ функций, реализуемых контрольно-надзорным органом, и определить коррупциогенные факторы. В данном контексте дефиниция ключевого для настоящей работы понятия несколько расширяется, легальная применяется, однако перед ней добавлено следующее: «Условия, явление или совокупность явлений, объективные и субъективные предпосылки, порождающие коррупционные правонарушения или способствующие их распространению».

Данный шаг авторов настоящих рекомендаций создает определенную коллизию. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» был принят намного раньше настоящих рекомендаций, а также очевидно находится выше по юридической силе, (даже не беря во внимание рекомендательный характер). Логично было бы предположить, что авторы имели намерение привнести больше определенности, вводя данную разъяснительную составляющую. Однако

этот шаг крайне необоснован и нецелесообразен, поскольку указанная условность, причинность или некая гипотетическая составляющая смешивают настоящее понятие с понятием «коррупционных рисков», которые как раз и являются менее предметными.

При этом, ведя речь о коррупционных рисках, стоит иметь в виду не конкретные правовые нормы и конструкции, а определенные должности, функции государственного органа или направление деятельности организации или ее какого-либо отдела, сотрудника.

Между тем, некоторое количество исследователей обращают внимание на кадровый вопрос в контексте рисков.

Следует понимать, что по своей природе люди в определенных условиях могут проявлять слабость, поддаваться искушениям, идти на компромисс с совестью. Решая проблему отбора и подготовки кадров на государственные и муниципальные должности необходимо нормативно закрепить важнейшее значение в характеристике лиц, претендующих на данные должности, таких нравственных качеств, которые, в конечном итоге, определяют принятие ими решений в ситуации конфликта интересов только в публичном интересе, в пользу общественного блага, а не в частном, не в интересах личной выгоды. Предлагается в характеристике личности претендентов на государственные и муниципальные должности выделить такой показатель, который можно определить, как «социальная направленность» личности [7, с. 405].

Также некоторые ученые полагают, что единственной реальной защитой от коррупции во власти может служить только полное внутреннее отрицание коррупционного поведения конкретными участниками публичных правовых отношений, их способность не поддаваться искушению получения личной выгоды за счет предательства публичных интересов и злоупотребления властью [4, с. 222].

Разумеется, что различные требования к служебному поведению, к определенному этическому уровню служащего являются крайне важным разделом противодействия коррупции, частью ее профилактики, принцип служения общественным интересам, а не узким личным или политическим, лежит в основе государственного (муниципального) управления. Презумпция должна заключаться в том, что государственные (муниципальные) служащие всегда выполняют свои обязанности в соответствии с самыми высокими этическими стандартами [5, с. 107]. Тем не менее не стоит возлагать все надежды на волю человека, это способствует максимизации и абсолютизации ценности некоего духовного, а не правового. По нашему мнению, низкий уровень правовой культуры как общества, так отдельных юристов, подталкивает социум переоценивать роль отдельных специалистов, а не институтов.

Соответственно, в контексте сопоставления коррупционных рисков и коррупциогенных факторов выглядят наиболее удачно вышеуказанные

методические рекомендации, базирующиеся на реальной работе государственного органа.

Следует презюмировать, что в отличие от коррупциогенных факторов, которые еще необходимо вывить в нормативных правовых актах и их проектах, сама по себе государственная служба обладает коррупционным риском, но, конечно, в зависимости от возложенных функций и занимаемой должности конкретного служащего.

Таким образом, исходя из методических рекомендаций, необходимо выделить тех функций, при реализации которых существуют предпосылки для возникновения коррупции, то есть коррупционно-опасных (п. 4 Методических рекомендаций по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, п. 5 Методических рекомендаций по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции), а также наиболее коррупциогенных направлений деятельности и бизнес-процессов организации (п. 3.1, 3.2 Рекомендаций по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации).

Как и в случае с коррупциогенными факторами, авторы настоящих актов предусмотрели перечень основных возможных коррупционных рисков, выражающихся в вышеуказанных функциях и процессах. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций выделяют следующие:

1. По контролю и надзору. Это осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения (инспекции, ревизии, проверки);

2. По управлению государственным имуществом. Это осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ (в настоящий момент – публичных);

3. По оказанию государственных услуг. Это предоставление федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам, по запросам

заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий;

4. По разрешительным, регистрационным, дефиниция которых не имеет место, что предполагает буквальное толкование в системе действующего законодательства (п. 5 настоящей Рекомендаций).

Помимо указанных общих коррупционно-опасных функций, п. 6 Рекомендаций рекомендует обратить внимание на специальные, имеющие более узкую направленность, предусматривающие:

1. Размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд;

2. Осуществление государственного надзора и контроля;

3. Подготовку и принятие решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий, межбюджетных трансфертов, а также ограниченных ресурсов (квот, земельных участков и т.п.);

4. Организацию продажи федерального имущества, иного имущества, принадлежащего Российской Федерации;

5. Предоставление права на заключение договоров аренды земельных участков, других объектов недвижимого имущества, находящихся в федеральной собственности;

6. Подготовку и принятие решений о возврате или зачете излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов и сборов, а также пеней и штрафов;

7. Подготовку и принятие решений об отсрочке уплаты налогов и сборов;

8. Лицензирование отдельных видов деятельности, выдача разрешений на отдельные виды работ и иные аналогичные действия;

9. Проведение государственной экспертизы и выдачу заключений;

10. Возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях, проведение административного расследования;

11. Возбуждение уголовных дел, проведение расследования;

12. Проведение расследований причин возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, аварий, несчастных случаев на производстве, инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний людей, животных и растений, причинения вреда окружающей среде, имуществу граждан и юридических лиц, государственному имуществу;

13. Представление в судебных органах прав и законных интересов Российской Федерации;

14. Регистрацию имущества и ведение баз данных имущества;

15. Предоставление государственных услуг гражданам и организациям;

16. Хранение и распределение материально-технических ресурсов.

Подводя итог, необходимо отметить, что проанализированные понятия имеют крайне тесную связь, что объясняет их некорректное отождествление

в устаревших рекомендациях и иных актах. Считаем обоснованным установить их связь по зависимости содержания (коррупциогенные факторы) от формы (коррупционные риски) и наоборот. Также полагаем необходимым закрепить понятие «коррупционные риски» на уровне федерального законодательства с целью последующего применения.

Список литературы

1. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 25 декабря 2014 г. № 18-0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков». [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420269464?section=text> (дата обращения 15.01.2026).

2. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 № 47(7)) [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/556408896?section=text> (дата обращения 15.01.2026).

3. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации от 19.09.2019 г. (утв. Минтрудом России). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/561349094?section=text> (дата обращения 15.01.2026).

4. Нескородов Б.Н. Коррупционные риски в системе публичной власти, проблемы и возможные варианты их решения // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2016, № 1, С. 219-228. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnye-riski-v-sisteme-publichnoi-vlasti-problemy-i-vozmozhnye-varianty-ih-resheniya> (дата обращения 07.12.2026)

5. Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019, № 32, С. 107-121. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-antikorrupsionnogo-standarta-povedeniya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-sluzhaschih> (дата обращения 07.12.2026).

6. Хадыкина Е.В. К вопросу о понятии «коррупционный риск» в российском законодательстве и юридической науке // Журнал Право и государство: теория и практика. 2023, № 6 (222), С. 134-136. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-korruptsionnyy-risk-v-rossiyskom-zakonodatelstve-i-yuridicheskoy-nauke> (дата обращения 06.12.2026)

7. Яковлев М.М. Коррупционные риски // Право и государство: теория и практика. 2023, № 6 (222), С. 405-407. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnye-riski-1> (дата обращения 06.12.2026)

Об авторе:

ПИСАРЕВ Александр Сергеевич – студент 2 курса магистратуры программы подготовки «Правовые основы противодействия коррупции» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: aspisarev@edu.tversu.ru

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА СИСТЕМНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

У.М. Рябчикова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Антонова Н.А.

В статье анализируются основные направления системного противодействия коррупции. Особое внимание уделяется формированию антикоррупционного сознания и правовой культуры, как одному из приоритетных направлений государственной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное сознание, информационно-просветительская деятельность

Системное противодействие коррупции нельзя сводить только к уголовно-правовым запретам и дисциплинарным мерам. Такой подход, безусловно, необходим, но его возможности ограничены: он реагирует на уже совершенное нарушение, тогда как причины коррупционного поведения остаются неизменными. Между тем коррупция существует не в правовом вакууме. Она воспроизводится в определенной социальной среде — там, где допускается неформальный обмен услугами, где административные процедуры непрозрачны, а служебное положение воспринимается как ресурс личной выгоды. Как справедливо отмечает А.Л. Бредихин, «коррупция как системное явление требует системного подхода к ее нейтрализации, включающего не только правовые, но и социальные, экономические, культурные и воспитательные меры»[1]. Именно поэтому оправданной выглядит позиция исследователей, рассматривающих коррупцию не только как совокупность правонарушений, но и как явление, встроенное в институциональную организацию власти, в экономические механизмы распределения благ и в повседневные социальные практики.

Формирование антикоррупционного сознания граждан рассматривается современными исследователями как одно из приоритетных направлений государственной антикоррупционной политики. По мнению Д.А. Пашенцева, «противодействие коррупции невозможно без формирования в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, без осознания каждым гражданином пагубности коррупции для развития государства и общества»[2]. Автор подчеркивает, что «правовое просвещение и правовое информирование должны стать постоянными и системными, охватывая все слои населения, начиная со школьной скамьи».

Одним из базовых направлений предупреждения коррупции следует признать формирование антикоррупционного сознания и правовой культуры. С этим тезисом в целом трудно спорить. Вместе с тем в ряде научных работ он раскрывается слишком широко и потому теряет

практическую определенность. Е.Г. Багреева и М.В. Душина отмечают, что «гражданское общество выступает естественным союзником государства в противодействии коррупции, поскольку именно институты гражданского общества способны осуществлять эффективный общественный контроль за деятельностью органов публичной власти». Исследователи подчеркивают, что «общественный контроль должен быть не формальным, а реально действующим механизмом, обеспеченным правовыми гарантиями и поддержкой со стороны государства».[3] Правовое просвещение важно, но его эффект проявляется не в повторении общей формулы о недопустимости коррупции, а в формировании конкретных моделей поведения. Речь идет о готовности отказаться от «решения вопроса» через неформальные связи, использовать предусмотренные законом способы защиты права, обращаться с жалобами на коррупционное давление, добиваться прозрачности решений органов власти. Без этого антикоррупционное сознание остается скорее моральной декларацией, чем реальным профилактическим фактором.

Особая роль в формировании антикоррупционного сознания принадлежит средствам массовой информации. Как указывает М.А. Егорова, «СМИ обладают уникальными возможностями для формирования общественного мнения о коррупции как о социально опасном явлении, для создания атмосферы неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения». Вместе с тем исследователь обращает внимание на проблему «коррупциогенности самих СМИ, которые могут использоваться для формирования общественного мнения в интересах коррупционеров, для дискредитации антикоррупционной политики государства».

Эмпирические исследования российских ученых подтверждают значимость образовательного фактора в формировании антикоррупционного поведения. А.Л. Бредихин, анализируя результаты социологических опросов, приходит к выводу, что «уровень образования является одним из ключевых факторов, влияющих на отношение граждан к коррупции: чем выше уровень образования, тем более критично граждане оценивают коррупционные практики и тем выше их готовность противодействовать коррупции» [4]. Исследователь также отмечает, что «важное значение имеет не только формальный уровень образования, но и его направленность: юридическое и экономическое образование в большей степени способствуют формированию антикоррупционного сознания».

В.В. Астанин обращает внимание на необходимость системного подхода к антикоррупционному просвещению. По его мнению, «антикоррупционное образование должно быть непрерывным, начинаться с дошкольного и школьного возраста и продолжаться на протяжении всей жизни человека, включая профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование»[5]. Автор подчеркивает, что «важно не просто информировать о существовании коррупции и мерах ответственности за нее, но и формировать устойчивые навыки

антикоррупционного поведения, умение противостоять коррупционным предложениям».

По этой причине роль семьи, образовательных учреждений, средств массовой информации и институтов гражданского общества следует оценивать не как вспомогательную, а как структурообразующую. Их значение состоит в том, что они воздействуют не только на знания граждан о коррупции, но и на повседневные представления о допустимом и недопустимом поведении. Иначе говоря, они участвуют в формировании такой социальной среды, в которой коррупционная практика перестает восприниматься как «обычный способ» достижения результата. Наиболее слабым местом части доктринальных подходов здесь является то, что антикоррупционное просвещение рассматривается в отрыве от публичности власти. Между тем гражданин не способен участвовать в общественном контроле, если у него нет реального доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Следовательно, антикоррупционное сознание формируется не только через воспитание и информирование, но и через правовое обеспечение открытости публичного управления.

Именно такой вывод подтверждается судебной практикой. Верховный Суд РФ неоднократно исходил из того, что публичность и открытость деятельности органов власти предполагают реальную возможность получения обществом информации об их деятельности. В кассационном определении от 9 апреля 2025 г. [6], обращаясь к положениям Федерального закона № 8-ФЗ, Суд фактически подчеркнул, что открытость власти — это не факультативный политический принцип, а юридически значимое условие общественного контроля. Для целей настоящего исследования это важно потому, что позволяет рассматривать доступ к информации не просто как гарантию конституционного права, а как один из элементов антикоррупционной профилактики. Формирование антикоррупционного сознания не должно пониматься узко, только как просветительская деятельность. По существу, речь идет о более сложной модели, включающей антикоррупционное образование, развитие навыков правомерной реакции на коррупционное давление и обеспечение открытости деятельности государства. Лишь в таком сочетании антикоррупционная культура приобретает прикладное значение. Она перестает быть набором правильных лозунгов и становится фактором, реально влияющим на снижение коррупционных рисков.

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений деятельности по формированию антикоррупционного сознания и правовой культуры:

1. Антикоррупционное просвещение в образовательных учреждениях всех уровней;
2. Информационно-просветительская деятельность СМИ;

3. Общественный контроль со стороны институтов гражданского общества;

4. Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации антикоррупционной политики;

5. Формирование антикоррупционной культуры через институты семьи и общественные объединения.

Представляется недостаточным либо исключительно ценностный, либо сугубо регулятивный подход. Первый опасен тем, что ограничивается воспитательной риторикой, второй — тем, что производит формальное исполнение требований без внутреннего принятия их смысла. Более убедительным выглядит сочетание этих подходов[7]. Государственный или муниципальный служащий должен не просто знать запреты, но и понимать природу конфликта интересов, уметь выявлять его еще до принятия решения и быть обязанным своевременно раскрывать соответствующие обстоятельства. Иначе говоря, этика публичной службы должна выражаться не только в общих категориях добросовестности и неподкупности, но и в конкретных процедурах поведения в ситуациях коррупционного риска.

Судебная практика подтверждает именно такой подход. Так, в Постановлении от 6 апреля 2020 г. № 14-П Конституционный Суд РФ [8] указал, что увольнение в связи с утратой доверия не может использоваться как формальная реакция, компенсирующая нарушения, допущенные самим государственным органом при заключении служебного контракта. Эта позиция принципиальна, поскольку показывает: даже в антикоррупционной сфере ответственность не должна превращаться в автоматический карательный механизм.

Суд исходит из необходимости соблюдения принципов справедливости и индивидуализации, а значит, профилактика коррупции неотделима от законности самих антикоррупционных процедур. Вместе с тем судебная практика подчеркивает и другую сторону проблемы — неотвратимость антикоррупционной ответственности. В определении от 20 мая 2024 г. № 46-КГПР24-5-К6 Верховный Суд РФ [9] указал, что подача заявления об увольнении по собственному желанию не препятствует применению мер антикоррупционной ответственности, если служебная проверка уже выявила соответствующие нарушения. Иначе говоря, служащий не вправе устранить негативные правовые последствия собственных действий лишь путем выбора более удобной кадровой формы увольнения. Для настоящего исследования это означает, что этика публичной службы поддерживается не только воспитательными мерами, но и практикой, исключая уход от ответственности.

Если формирование антикоррупционного сознания в обществе в целом создает внешнюю среду, нетерпимую к коррупционным проявлениям, то повышение правосознания и этики государственных и муниципальных служащих формирует внутренние регуляторы профессионального

поведения, препятствующие вовлечению в коррупционные отношения. По мнению Д.А. Пашенцева, «профессиональное правосознание государственных служащих является ключевым фактором, определяющим их поведение в ситуациях, связанных с коррупционными рисками»[10].

В научной литературе последних лет активно обсуждаются проблемы профессиональной этики государственных служащих и пути их решения. М.А. Егорова подчеркивает, что «этические требования к государственным служащим должны быть четко формализованы и закреплены в кодексах этики и служебного поведения». Вместе с тем исследователь отмечает, что «наличие формальных этических кодексов само по себе не гарантирует этического поведения, необходимо формирование устойчивых моральных установок и ценностных ориентаций».

Исследование В.В. Астанина, посвященное конфликту интересов на государственной службе, показывает, что «многие государственные служащие недостаточно осведомлены о том, что представляет собой конфликт интересов, и не всегда способны своевременно выявить ситуации, связанные с конфликтом интересов»[11]. Автор предлагает «внедрить систему регулярного обучения государственных служащих по вопросам урегулирования конфликта интересов, включая разбор конкретных ситуаций и моделирование возможных конфликтных ситуаций».

Третьим общесоциальным направлением является стимулирование экономического развития как фактора снижения коррупционных рисков. В научной литературе достаточно часто проводится мысль о том, что экономический рост сам по себе ведет к ослаблению коррупции. Такой тезис представляется не вполне точным. Экономический рост действительно может создавать больше легальных возможностей для предпринимательства, занятости и инвестиций, однако в условиях непрозрачного государственного управления он способен, напротив, расширять коррупционные практики за счет роста объемов распределяемых ресурсов. Следовательно, антикоррупционный эффект имеет не любой экономический рост, а такой тип экономического развития, который сокращает пространство административного усмотрения, минимизирует личные контакты бизнеса и чиновника, усиливает конкуренцию и стандартизирует принятие управленческих решений.

В Обзоре от 28 сентября 2016 г. Верховный Суд РФ [12] разъяснил, что отсутствие конфликта интересов между участником закупки и заказчиком выступает обязательным условием участия в закупочной процедуре. При этом Суд фактически сместил акцент на стадию допуска и отбора участников, указав, что антикоррупционный потенциал закупочного законодательства раскрывается прежде всего через предупреждение риска, а не через последующее оспаривание уже состоявшихся последствий. С научной точки зрения это особенно важно, поскольку подтверждает:

экономические антикоррупционные меры наиболее эффективны там, где они встроены в процедуру принятия решения заранее.

Еще более отчетливо экономическая направленность антикоррупционной политики проявляется в стремлении государства лишить коррупцию имущественной привлекательности. Об этом свидетельствует практика по делам о привлечении юридических лиц к административной ответственности по статье 19.28 КоАП РФ. Верховный Суд, анализируя применение крупных штрафов и обеспечительных мер, исходит из того, что незаконное вознаграждение от имени юридического лица должно влечь для бизнеса не символические, а ощутимые имущественные последствия.

Такая позиция имеет не только карательное, но и профилактическое значение, поскольку переводит борьбу с коррупцией в плоскость экономической рациональности: коррупционное поведение должно становиться заведомо невыгодным. Эта же логика прослеживается и в практике об обращении коррупционного имущества в доход государства. В Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П Конституционный Суд РФ [13] признал недопустимым применение общих сроков исковой давности к требованиям прокуроров об обращении в доход государства имущества, приобретенного с нарушением антикоррупционных запретов, а также активов, в которые такое имущество было впоследствии преобразовано. Для исследования это имеет важное значение: экономическое направление противодействия коррупции выражается не только в создании благоприятного делового климата, но и в последовательном устранении имущественных стимулов к коррупционному поведению.

Формирование антикоррупционного сознания и правовой культуры представляет собой комплексное направление, включающее взаимодействие государства, институтов гражданского общества, системы образования и средств массовой информации. Ключевыми задачами выступают преодоление правового нигилизма и терпимости к коррупции, повышение правовой грамотности населения, формирование активной гражданской позиции, предполагающей готовность участвовать в общественном контроле и противодействии коррупции. Эффективность данного направления зависит от системности и непрерывности антикоррупционного просвещения, начиная с дошкольного возраста и продолжая на протяжении всей жизни человека.

Повышение уровня правосознания и этики государственных и муниципальных служащих требует интеграции регулятивного подхода, основанного на четких правилах и запретах, и ценностного подхода, ориентированного на формирование у служащих внутренних моральных ориентиров и установок на служение обществу. Важное значение имеет совершенствование механизмов урегулирования конфликта интересов, обеспечение прозрачности деятельности государственных органов,

формирование позитивной организационной культуры, нетерпимой к коррупционным проявлениям.

Стимулирование экономического развития как антикоррупционное направление реализуется через снижение административных барьеров, развитие конкуренции, совершенствование механизмов государственных закупок, цифровизацию государственных услуг. Последовательная антикоррупционная политика в экономической сфере способствует улучшению делового климата, привлечению инвестиций, повышению конкурентоспособности отечественной экономики, что в долгосрочной перспективе создает условия для устойчивого экономического роста.

Таким образом, общесоциальные направления образуют фундамент системного противодействия коррупции, формируя среду, в которой правовые запреты и ограничения могут реализовываться эффективно, а антикоррупционное поведение становится социально одобряемой и экономически рациональной стратегией.

Список литературы

1. Бредихин А.Л. Системный подход к противодействию коррупции: теоретико-правовой аспект // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 45.
2. Пашенцев Д.А. Правовое просвещение как фактор противодействия коррупции // Образование и право. 2022. № 3. С. 112.
3. Багреева Е.Г., Душина М.В. Институты гражданского общества в системе противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 23.
4. Бредихин А.Л. Социологические аспекты исследования коррупции в современной России // Социология и право. 2023. № 4. С. 78.
5. Приказ Астанин В.В. Антикоррупционное образование: понятие, содержание, перспективы развития // Российская юстиция. 2022. № 8. С. 34.
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2025 года № 20-КАДПР25-2-К5 [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2456144 (дата обращения 22.03.2026).
7. Пашенцев Д.А. Правосознание государственных служащих как фактор противодействия коррупции // Государственная служба. 2022. № 4. С. 56.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2020 N 14-П "По делу о проверке конституционности пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации", а также пункта 2 части 1 статьи 13.1 Федерального закона "О противодействии коррупции" в связи с жалобой гражданина И.Н. Котяша" [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349592/ (дата обращения 21.03.2026).
9. Определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2024 г. № 46-КГПР24-5-К6 [Электронный ресурс] // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202004080009?index=14> (дата обращения 21.03.2026).
10. Пашенцев Д.А. Правосознание государственных служащих как фактор противодействия коррупции // Государственная служба. 2022. № 4. С. 56.
11. Астанин В.В. Конфликт интересов на государственной службе: проблемы правового регулирования и практики // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 45.

12. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205258 (дата обращения 21.03.2026).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П "По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда"[Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (дата обращения 23.03.2026).

Об авторе:

РЯБЧИКОВА Ульяна Максимовна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ И ИНСТРУМЕНТЫ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Р.Р. Рядков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье анализируются: правовая сущность и организация прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок, включая нормативную основу, объекты надзора и его проактивный характер.

***Ключевые слова:** прокуратура Российской Федерации, государственные закупки, коррупция, сравнительно-правовой анализ, механизмы контроля, инструменты контроля, Россия, надзор.*

Государственные закупки являются важнейшим каналом расходования бюджетных средств, обеспечивающим публичные нужды в товарах, работах и услугах. Ежегодный объем контрактруемых средств в Российской Федерации исчисляется триллионами рублей, что предопределяет повышенный общественный и государственный интерес к эффективности, прозрачности и законности закупочного процесса. В этих условиях система контроля за соблюдением законодательства о контрактной системе приобретает стратегическое значение, выступая гарантом целевого использования бюджетных ассигнований, противодействия коррупции и защиты добросовестной конкуренции.

Эффективность данной нормативно-правовой базы напрямую зависит от качества работы институтов, уполномоченных на ее реализацию. Институциональный механизм противодействия коррупции в сфере закупок в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему, включающую внутренний государственный контроль, внешний надзор со стороны специализированных ведомств и общественный контроль. Такая иерархическая структура построена по принципу дополнения, где каждый уровень закрывает риски, которые невозможно нейтрализовать на предыдущем этапе [4]. Фундаментом данной системы выступает внутренний контроль, поскольку он реализуется непосредственно внутри организации-заказчика, где принимаются первичные решения о необходимости закупки, ее параметрах и способе определения поставщика. Именно на этом этапе закладываются основы для потенциальных коррупционных схем, поэтому наличие действенных внутренних фильтров является критически важным условием безопасности контрактной системы. Согласно статье 160.2-1 Бюджетного кодекса РФ, каждый главный распорядитель бюджетных средств обязан осуществлять внутренний финансовый контроль, включая проверку соблюдения требований к закупкам [1].

© Р.Р. Рядков, 2026

Это нормативное предписание трансформируется в создание специализированных контрольно-ревизионных подразделений внутри министерств и ведомств, которые независимы от структурных единиц, непосредственно осуществляющих закупки. В их функционал входит не только проверка финансовой дисциплины, но и оценка соответствия закупочной документации законодательству, обоснованности начальной максимальной цены контракта и правомерности выбора способа определения поставщика. Особое внимание уделяется выявлению признаков аффилированности между заказчиком и потенциальными участниками торгов, что является одним из наиболее распространенных индикаторов коррупционного сговора [7].

Данный уровень контроля является первичным и направлен на предотвращение нарушений на этапе планирования и исполнения контракта внутри самого ведомства. Его превентивная природа отличает его от внешнего надзора, который чаще фиксирует уже свершившиеся факты нарушений. Внутренний аудит позволяет выявить ошибки и злоупотребления до момента размещения извещения в Единой информационной системе или подписания контракта, что минимизирует риски признания закупки недействительной и потери бюджетных средств. Кроме того, внутренние процедуры включают в себя проверку соблюдения мер по урегулированию конфликта интересов среди сотрудников контрактной службы, что напрямую влияет на снижение коррупционной напряженности.

Таким образом, внутренний контроль выступает первым эшелоном обороны, эффективность которого определяет общую устойчивость ведомства к коррупционным воздействиям. Внешний контроль распределен между несколькими ключевыми органами, что обеспечивает систему сдержек и противовесов. Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС) выступает ключевым регулятором, уполномоченным рассматривать жалобы участников закупок и выявлять признаки ограничения конкуренции, включая картельные сговоры. Полномочия ФАС закреплены в Федеральном законе «О защите конкуренции», который позволяет ведомству не только штрафовать нарушителей, но и выдавать обязательные для исполнения предписания [2].

Исследователи отмечают, что именно антимонопольный контроль является наиболее действенным инструментом пресечения коррупционных схем, связанных с искусственным ограничением доступа к торгам, однако ведомство часто перегружено объемом жалоб, что снижает оперативность реагирования [8]. Федеральное казначейство Российской Федерации осуществляет контроль в сфере закупок в части соответствия операций бюджетному законодательству, блокируя подозрительные платежи и проверяя обоснованность расходов.

Ключевым инструментом в данном процессе является механизм казначейского сопровождения контрактов, который предполагает открытие отдельного лицевого счета для исполнения конкретных государственных контрактов [5]. Через эту систему проходит мониторинг всех платежей в пользу поставщиков, что позволяет выявлять попытки вывода бюджетных средств в офшорные зоны или на счета фирм-однодневок. Казначейство вправе приостановить операцию, если реквизиты получателя не совпадают с данными контракта или если выявлены признаки нецелевого использования средств.

Таким образом, данное ведомство выполняет функцию финансового фильтра на завершающей стадии закупочного цикла, предотвращая хищение денег даже в том случае, если коррупционная схема была успешно реализована на этапе проведения торгов. Кроме того, важным элементом системы является общественный контроль, который реализуется через общественные советы при заказчиках и независимые мониторинговые группы. Правовая основа для такой деятельности заложена в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который наделяет граждан и общественные объединения правом доступа к информации о государственных закупках [3].

Общественные инспекторы анализируют документацию в Единой информационной системе, посещают объекты закупок и фиксируют нарушения качества работ. Хотя представители общественности не обладают властными полномочиями для отмены контрактов, их деятельность создает эффект прозрачности: выявленные нарушения фиксируются в официальных отчетах и направляются в правоохранительные органы или ФАС для принятия мер. Это превращает общество в активного участника антикоррупционной политики, компенсируя недостатки ведомственного контроля внешним независимым наблюдением [9]. Эксперты в области государственного управления подчеркивают, что общественный контроль обладает высоким потенциалом выявления коррупционных рисков благодаря принципу «народной экспертизы», однако его эффективность ограничена отсутствием властных полномочий у общественных инспекторов [10].

Таким образом, в РФ сформирована разветвленная институциональная структура контроля, охватывающая все этапы закупочной деятельности. Однако анализ показывает, что взаимодействие между ведомствами часто носит разрозненный характер, что приводит к дублированию функций или, наоборот, к возникновению «контрольных вакуумов» [12].

Совершенствование институционального механизма требует не только усиления полномочий контролирующих органов, но и внедрения единых цифровых платформ для обмена информацией о нарушениях, что позволит перейти от фрагментарного контроля к системному мониторингу коррупционных рисков. На текущем этапе одной из главных проблем

остается ведомственная разобщенность: данные Федеральной антимонопольной службы, Федерального казначейства, правоохранительных органов и налоговой службы часто хранятся в изолированных информационных массивах. Это создает информационную асимметрию, которой пользуются коррупционеры, скрывая цепочки аффилированности и движения денежных средств между различными юрисдикциями и реестрами [6]. Усиление административных полномочий без устранения этих цифровых барьеров не дает должного эффекта, так как контролеры просто не видят полной картины происходящего.

Внедрение единой цифровой экосистемы предполагает глубокую интеграцию Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) с системами финансового мониторинга и базами данных правоохранительных органов в режиме реального времени [14]. Использование технологий больших данных и искусственного интеллекта позволит автоматизировать процесс выявления аномалий: алгоритмы смогут мгновенно фиксировать подозрительные совпадения реквизитов участников торгов, необоснованные колебания цен или цепочки субподрядов, ведущие к офшорам. Это трансформирует саму философию контроля: вместо реактивного реагирования на уже совершенные правонарушения система перейдет в проактивный режим, предупреждая риски на стадии планирования закупки [11]. Таким образом, переход от фрагментарного контроля к системному мониторингу станет возможным только при условии синхронизации правовых и технологических инструментов. Цифровая платформа выступит связующим звеном между различными институтами власти, обеспечивая непрерывный поток верифицированной информации. Это не только повысит раскрываемость коррупционных схем, но и создаст среду тотальной прозрачности, в которой совершение правонарушений станет технически сложным и экономически невыгодным, что в конечном итоге повысит доверие общества к системе государственных закупок.

Представляется методологически обоснованным сопоставить российскую модель институционального контроля с практикой Соединённых Штатов Америки, где аналогичные задачи решаются через децентрализованную, но строго координируемую архитектуру надзорных институтов. В американской системе публичных закупок отсутствует единый ведомственный контролёр, наделённый универсальными полномочиями; вместо этого функционирует сеть специализированных органов, чья деятельность синхронизирована через законодательно закреплённые механизмы межведомственного взаимодействия и единые стандарты управления рисками.

Базовым элементом внутреннего контроля выступает обязательное соблюдение стандартов внутреннего финансового менеджмента, регламентированных Директивой Административно-бюджетного

управления при Президенте США (OMB Circular A-123). Данный нормативный акт обязывает каждое федеральное агентство внедрять и ежегодно оценивать эффективность систем внутреннего контроля, включая процедуры управления закупочными рисками, выявления мошенничества и предотвращения конфликтов интересов [13]. В отличие от российской модели, где внутренний аудит часто организационно подчинён руководству заказчика, американские стандарты требуют функциональной независимости контрольных подразделений и прямого отчётного взаимодействия с вышестоящими надзорными структурами, что минимизирует давление административной иерархии на результаты проверок и обеспечивает объективность аудиторских заключений.

Внешний контроль в США реализуется через институт генеральных инспекторов (Inspectors General, IGs), функционирующих в каждом крупном федеральном ведомстве. В соответствии с Законом об инспекторах 1978 года инспекторы назначаются Президентом с утверждением Сената и подотчётны исключительно Конгрессу, а не руководителям агентств, в которых работают [13]. Эта институциональная автономия позволяет генеральным инспекторам проводить независимые аудиты, расследования и оценки эффективности закупок без риска ведомственного вмешательства. Результаты их деятельности публикуются в открытых отчётах, содержащих рекомендации по устранению выявленных недостатков, а несогласие агентства с выводами IG подлежит обязательному рассмотрению профильными комитетами Конгресса. Подобная модель обеспечивает прозрачность и подотчётность, которые в российской практике компенсируются лишь частичной независимостью контрольно-ревизионных управлений.

Координация межведомственного контроля осуществляется через Совет генеральных инспекторов по эффективности и добросовестности (SIGIE), который разрабатывает единые стандарты аудита, организует обмен оперативной информацией о схемах мошенничества и координирует совместные расследования. Важным инструментом интеграции данных выступает Федеральная система отчётности о закупках (FPDS), интегрированная с платформой USAspending.gov. Эти ресурсы обеспечивают построчную публикацию всех контрактов, модификаций, субподрядов и платежей в машиночитаемом формате, что позволяет аналитическим подразделениям инспекторов и Счётного управления Конгресса (GAO) применять алгоритмы предиктивной аналитики для выявления аномалий ценообразования, повторяющихся паттернов аффилированности и признаков картельных соглашений [15]. В отличие от фрагментированного хранения данных в российских реестрах, американская архитектура предполагает обязательную стандартизацию и централизацию информации, что снижает транзакционные издержки контроля и повышает скорость реагирования на риски.

Особое внимание в институциональной модели США уделяется интеграции механизмов защиты информаторов в систему государственного контроля. Закон о защите информаторов (Whistleblower Protection Enhancement Act) и положения Закона о ложных претензиях создают правовые гарантии для сотрудников подрядных организаций и государственных служащих, сообщающих о нарушениях в закупках. Институциональным бенефициаром таких сообщений выступают генеральные инспекторы, которые обязаны проводить предварительную проверку каждого обращения и предоставлять заявителю отчёт о принятых мерах. Это превращает внешний общественный и внутренний ведомственный контроль в единый контур, где гражданская инициатива напрямую активизирует надзорные процедуры.

Сопоставление подходов демонстрирует, что эффективность институционального механизма зависит не от концентрации полномочий в одном органе, а от качества координации, независимости контрольных подразделений и технологической синхронизации информационных потоков. Российская практика, обладая развитой сетью контрольно-надзорных ведомств, сталкивается с проблемой дублирования функций и отсутствия единых стандартов внутреннего аудита, обязательных для всех заказчиков. Адаптация американского опыта может заключаться во внедрении унифицированных требований к внутреннему контролю в контрактных службах (по аналогии с OMB Circular A-123), законодательном закреплении функциональной независимости внутренних аудиторов от руководителей заказчиков, а также создании межведомственного аналитического центра по мониторингу госзакупок на базе объединённых данных ФАС, Казначейства, ФНС и правоохранительных органов. Подобные меры позволят трансформировать реактивную систему постфактум-проверок в проактивный механизм управления коррупционными рисками, где технологическая интеграция и институциональная автономия взаимно усиливают превентивный потенциал контроля.

Список литературы

7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823. Ст. 160.2-1.

8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 14.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434

9. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4213

10. Постановление Правительства РФ от 10.09.2023 № 1496 «О мерах по повышению эффективности контроля в сфере закупок» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 38. – Ст. 6745.

11. Приказ Федерального казначейства от 15.03.2023 № 12н «Об утверждении Порядка казначейского сопровождения средств при исполнении контрактов» // Официальный сайт Федерального казначейства
12. Концепция развития единой цифровой платформы контроля в сфере закупок, утв. распоряжением Правительства РФ от 12.01.2024 № 45-р // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 3. – Ст. 412
13. Методические рекомендации по организации внутреннего финансового контроля в сфере закупок, утв. Минфином России 20.12.2022 № 23н // Официальный сайт Министерства финансов РФ
14. Аналитический доклад ФАС России «Состояние конкуренции в сфере государственных закупок в 2023 году». – М.: ФАС России, 2024. – С. 34–41
15. Иванов А.А. Общественный контроль в сфере закупок: практика и перспективы / Антикоррупционные исследования. Изд-во РАМ, 2022. – С. 89–102. – Библиогр.: с. 298–301
16. Петрова Е. С. Роль гражданского общества в противодействии коррупции в системе государственных закупок // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 78–87
17. Смирнов Д. А. Применение технологий больших данных в системе государственного контроля: правовые и технические аспекты // Информационное право. – 2023. – № 3. – С. 22–31. – Библиогр.: с. 30–31. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Отчет Счетной палаты РФ «О результатах экспертно-аналитического мероприятия "Оценка эффективности взаимодействия контрольно-надзорных органов в сфере закупок"» (СП-14/2024). – М., 2024. – С. 15–23
19. Бюро управления и бюджета. Циркуляр А-123: Ответственность руководства за управленческий риск и внутренний контроль. Вашингтон, округ Колумбия, 2023
20. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. Раздел «Аналитика и мониторинг»
21. Управление подотчетности правительства. Федеральные контракты: возможности улучшения анализа данных для выявления мошенничества и расточительства. GAO-24-106542. Вашингтон, округ Колумбия, 2024. С. 22–31

Об авторе:

РЯДКОВ Рамиль Русланович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы противодействия коррупции».

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

РОЛЬ АКТОВ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.Ю. Чупанов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

Статья посвящена исследованию значимости решений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на процесс развития и укрепления антикоррупционного законодательства. Автор рассматривает понятие «конституционализация». В работе анализируется, как деятельность Конституционного Суда Российской Федерации формирует и совершенствует правовые механизмы противодействия коррупции. Особое внимание уделяется примерам из практики Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающим вопросы контроля за расходами, изъятия имущества, конфликта интересов, ответственности за коррупционные правонарушения и ограничений для бывших государственных служащих. Исследуется влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на законодательную базу о противодействии коррупции.

***Ключевые слова:** Конституционный Суд Российской Федерации; Конституция Российской Федерации; конституционализация; коррупционные преступления.*

Коррупция является серьёзной угрозой для конституционного строя государства, его устойчивому развитию. Поэтому антикоррупционная деятельность выступает одним из приоритетных направлений государственной политики. В формировании и развитии правовых механизмов противодействия коррупции важную роль играет Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), который осуществляет конституционный контроль и формулирует правовые позиции, направленные на конституционализацию соответствующих норм и практик.

Следует в первую очередь определиться с понятием «конституционализация». Среди российских учёных одним из первых внедрять данное понятие стал Н.С. Бондарь (в настоящее время судья КС РФ в отставке), обращавший внимание на динамический аспект – непрерывный процесс – постоянное соответствие всех сфер социальной жизни современным конституционным ценностям[5].

В процесс становления и развития теории конституционализации внес свой весомый вклад В.И. Крусс, который во многом отталкивается от активной роли Конституционного Суда РФ[8]. Профессору цель такого развития видится в перспективно-прогрессивном усовершенствовании российской правовой системы на всех ее уровнях, с приобретением специальных качеств – «системности и федеративной целостности». Автор делает акцент на «общем методе формирования (конституционализации)

системы законодательства». Итог – «конституционная целостность права как явления, выходящего за рамки своей базовой потенциальности на модельном, конструктивном и нормативном уровнях». Еще один из значимых моментов – связанность с правами и свободами человека и гражданина («универсальная, неисчерпаемая возможность»)[9].

Также в одной из своих научных работ Владимир Иванович очень грамотно и обоснованно отмечает: «Конституционализация представляет собой подчинение всей правовой системы, отраслей права и их источников конституции, причем не только в формальном смысле, но и в содержательном. Цель конституции и конституционного права в рамках теории двуединого предмета конституционного права откровенно экспансионистская - подчинить себе другие отрасли права, привести их в соответствие с конституционными ценностями. Именно вторая часть конституционного права - конституционные нормы об общих принципах конституционного строя и правах человека - создает основу для конституционализации всего правопорядка. Источники других отраслей права (законы, подзаконные акты и т.д.) стоят иерархически ниже конституции, что обуславливает содержательное – принципиальное и ценностное – влияние конституционного права на другие отрасли права» [10].

Похожее мнение высказывает Д.И. Артемова, согласно которой правопорядок в правовой системе России учреждается именно через конституционное право, являющееся фундаментом для строительства других отраслей права[3].

Реальная конституционализация, то есть воплощение её норм, принципов в жизнь невозможна без мощного инструмента – конституционного контроля, выступающей в качестве институционального оплота и стержня. Этот контроль, выражающийся в принимаемых органами власти решениях, выступает ключевой гарантией, который обеспечивает влияние конституции на все правовые сферы и всю правовую систему страны. Успешное соответствие правотворчества и правоприменения Конституции России зависит от неукоснительного следования конституционным установлениям, принципам, ценностям и нормам, в этом контексте особое значение имеет их официальное толкование[14].

Необходимо подчеркнуть, что во второй статье Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] – в качестве первичных источников антикоррупционного законодательства указаны сама Конституция Российской Федерации и федеральные конституционные законы. Таким образом, конституционно-правовые акты в механизме противодействия коррупции играют важную роль в качестве основополагающих элементов и базовой основы для построения всей законодательной базы противодействия коррупции[11].

Между тем деятельность Конституционного Суда РФ играет значительную роль не только в развитии конституционно-правовой науки, но и в становлении и развитии современного российского конституционализма, Конституции РФ и конституционного законодательства, а посредством этого - и отраслевого законодательства. Признавая ту или иную норму неконституционной, Конституционный Суд лишает ее юридической силы (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Как отмечает Н.С. Бондарь: «уже отсюда следует, что соответствующее решение Конституционного Суда не лишено свойств нормативного акта, направленного, как известно, на установление либо изменение, отмену правовых норм или на изменение сферы их действия». Автор пишет: «представляется возможным дать определение понятия правовых позиций Конституционного Суда как аргументированных, получающих обоснование в процедуре конституционного правосудия нормативно-доктринальных выводов, установок и оценок по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела»[6].

В настоящее время практика Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная в его постановлениях и определениях, выработала значительный объем правовых позиций. Они возникли в результате анализа обращений судов общей юрисдикции и жалоб граждан, чьи конституционные права были нарушены нормами антикоррупционного законодательства. Данные правовые позиции не только дают конституционное толкование законодательных положений, но и служат основой для корректировки правоприменительной практики. Немалая часть решений и толкований Суда уже нашла отражение в законодательстве, а другие формируют направления его дальнейшего развития антикоррупционного законодательства[7].

Многие решения Конституционного Суда РФ затрагивают актуальные вопросы, связанные с особенностями внедрения конкретных мер противодействия коррупции. Представляется целесообразным проанализировать ряд из них.

В Определении от 18 июля 2017 г. № 1736-О КС РФ признал правомерным законодательное регулирование, распространившее контроль за расходами на все сделки, совершенные соответствующими лицами с 1 января 2012 г., имея в виду, что первым отчетным периодом с момента вступления в силу Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[2] (1 января 2013 г.) является период с 1 января по 31 декабря 2012 года. Цитируем фрагмент этого определения: «не может расцениваться как недопустимое с точки зрения Конституции Российской Федерации придание обратной силы закону, ухудшающему правовое положение

государственных гражданских служащих и ограничивающему их права, уже существующие в конкретных правоотношениях»[18].

Раскрывая юридическую природу меры по представлению сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, КС РФ в определении от 26 января 2017 г. № 34-О указал следующее: «являясь правоограничительной по своему характеру, она призвана повысить эффективность противодействия коррупции, и основывается на приоритетности профилактических мер в данной области, ориентирована на обеспечение безопасности государства и поэтому сама по себе не нарушает права и свободы граждан»[12].

Говоря о мерах по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, то по данному вопросу в определениях от 19 декабря 2017 г. № 2905-О и от 26 марта 2019 г. № 666-О КС РФ отверг доводы граждан-заявителей о том, что используемые Федеральным законом «О противодействии коррупции» понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» допускают произвольное их толкование правоприменительными органами и, как следствие этого, необоснованное применение мер ответственности, в частности, за сам факт питания лица, уполномоченного осуществлять государственный контроль (надзор) на территории проверяемой организации, в условиях, когда работодатель не обеспечил питание работника в период нахождения в командировке[15]. КС РФ указал: «оспариваемые законоположения, регламентируя понятие конфликта интересов и порядок его урегулирования, направлены на обеспечение высокого уровня отправления государственной гражданской службы, эффективное функционирование государственного аппарата, что невозможно без принятия комплексных профилактических мер по противодействию коррупции, поэтому не могут рассматриваться как нарушающие права и свободы граждан».

В Постановлении от 29 ноября 2016 г. № 26-П КС РФ, исходя из приоритета предупреждения и противодействия коррупции, в правовой конструкции ответственности использовал принцип, который, по сути, прямо противоречил принципу невиновности, и дал следующее разъяснение: «По буквальному смыслу подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам", предполагается, что имущество, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, подлежит изъятию в целом, независимо от того, что в какой-то части затраты на его приобретение могли быть произведены из законных доходов»[16].

КС РФ отметил, что потенциальная угроза изъятия имущества выступает мерой общей и частной превенции коррупционных

правонарушений, ибо позволяет государственному (муниципальному) служащему осознать бессмысленность приобретения имущества на незаконные доходы и, соответственно, бесперспективность коррупционного поведения.

В вышеуказанном Постановлении КС РФ разъяснил и некоторые другие моменты, связанные с изъятием имущества, в отношении которого не представлены сведения, подтверждающих его приобретение на законные доходы:

– при рассмотрении соответствующих исков прокуроров суды обязаны учитывать все виды доходов (даже не указанные в декларации). Ответчик вправе представлять любые доказательства законности средств непосредственно в суде;

– при незначительном расхождении между доходами и расходами суд может изъять не весь объект, а лишь его часть (в денежном эквиваленте);

– суд вправе принять решение об обращении в доход РФ денежных средств, вырученных от реализации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы;

– не противоречит Конституции РФ возможность обращения в доход РФ имущества супругов и несовершеннолетних детей, так как они ведут общее хозяйство. При этом членам семьи должны быть предоставлены те же права по защите и доказыванию, что и самому служащему.

Данные правовые позиции КС РФ были учтены при принятии Федерального закона от 03.08.2018 № 307-ФЗ и Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ, внесших ряд изменений в законодательные акты РФ, регламентирующие применение мер по противодействию коррупции.

В своих решениях КС РФ неоднократно подчеркивал, что ограничения, налагаемые на граждан, в том числе при осуществлении ими профессиональной деятельности, допустимы, если они служат достижению легитимных целей и являются соразмерными.

Например, по вопросу ограничений, налагаемые на бывшего государственного или муниципального служащего при заключении им трудового или гражданско-правового договора (ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции») в определениях от 25 февраля 2013 г. № 334-0, от 27 октября 2015 г. № 2432-0, от 20 декабря 2016 г. № 2700-0 КС РФ, характеризуя юридическую природу этой правоограничительной меры, указал, что они соотносятся с задачами государства в сфере противодействия коррупции, носят профилактический характер и сами по себе конституционных прав граждан не нарушают, если комиссия обоснованно принимает отказ в трудоустройстве. Решение комиссии может быть обжаловано в суде.

КС РФ в своем Постановлении от 10 октября 2013 года № 20-П указал, что законодатель вправе выдвигать более строгие требования к репутации

лиц, занимающих публичные должности. Цель такого подхода – гарантировать гражданам улучшение морально-этических и нравственных качеств государственных служащих, тем самым подтверждая законность и бескорыстный характер их управленческих действий[13].

На практике есть случай, когда граждане, обращаясь в КС РФ, оспаривали часть 1 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции». По их мнению, данный закон не содержит четких нормативных критериев, на основании которых комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов могла бы выносить свое решение о разрешении или запрете дальнейшей работы бывшего государственного или муниципального служащего в той или иной организации. Это, по утверждению заявителей, придаёт решениям комиссий произвольный характер. В ответ на эти претензии КС РФ разъяснил, что решения, принимаемые комиссией, должны быть обоснованными и иметь четкую мотивировку. Более того, бывший служащий имеет полное право оспорить такое решение в суде, что представляет собой значимую гарантию защиты его трудовых прав[21].

Также граждане обращались в КС РФ, указывая на отсутствие четкой регламентации вины при дисциплинарной ответственности за коррупцию, невозможность дифференциации мер такой наказания (за определенные проступки предусмотрено только увольнение в связи с утратой доверия) и неопределенность сроков.

КС РФ в Определении от 28 июня 2018 г. № 1480-0 подтвердил ранее выраженную правовую позицию о том, что вина является субъективным условием любого вида юридической ответственности, кроме тех случаев, которые прямо и недвусмысленно выражены в самом законе. При этом нормы, устанавливающие обстоятельства, подлежащие учету при применении дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, нужно толковать в системной связи с иными положениями федерального закона[22]. В частности, п. 2 ч. 1 ст. 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[3] предусматривает увольнение в связи с утратой доверия за представление заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, имуществе, обязательствах имущественного характера, что предполагает совершение данного правонарушения только с прямым умыслом. Частью 3.1 ст. 59.3 этого же федерального закона установлено применение дисциплинарного взыскания в виде замечания при малозначительности коррупционного проступка.

КС РФ делает вывод: «действующее законодательное регулирование в целом не нарушает баланса публичных и частных интересов в сфере дисциплинарной ответственности государственных служащих и не исключает возможность дифференциации наказаний».

Согласно позиции КС РФ, сроки наложения взысканий (ч. 3 ст. 59.3 ФЗ № 79) являются пресекательными: они ограничивают период неопределенности статуса госслужащего и защищают его права. Позже, с принятием ФЗ № 307 от 03.08.2018, законодатель уточнил и закрепил конкретные сроки давности за коррупционные правонарушения[7].

Таким образом, Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в конституционализации правовых механизмов антикоррупционной деятельности в России. Проведённое исследование доказывает, что позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в актах, служат ориентиром для правотворческой и правоприменительной деятельности. Толкуя Конституцию и вынося решения, он не просто «контролирует», но и активно формирует, а также совершенствует антикоррупционную политику государства, внося вклад в создание эффективной и справедливой системы противодействия коррупции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (дата обращения: 01.02.2026).
2. Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" от 03.12.2012 N 230-ФЗ (дата обращения: 03.02.2026).
3. Федеральный закон "О государственной гражданской службе Российской Федерации" от 27.07.2004 N 79-ФЗ (дата обращения: 08.02.2026).
4. Артемова Д.И. «О понятии конституционализации в российской и зарубежной юридической науке» // Юрист. 2024. N 2. (дата обращения: 10.02.2026).
5. Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации). М.: ООО "Викор-Медиа", 2006. (дата обращения: 06.02.2026).
6. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа. (Электронный ресурс) (дата обращения: 06.02.2026).
7. Брежнев О.В. Особенности применения мер по противодействию коррупции в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. N 7. С. 6 - 8. (дата обращения: 07.02.2026).
8. Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 5. С. 59 - 70. (дата обращения: 04.02.2026).
9. Крусс В.И. Юридические предпосылки и перспективы конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2008. N 5 (дата обращения: 04.02.2026).
10. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма; Инфра-М, 2016. (дата обращения: 05.02.2026).
11. Кожевников О.А. Конституция и законодательство о противодействии коррупции в РФ: новые грани взаимодействия. (Электронный ресурс) (дата обращения: 03.02.2026).
12. Макаров А.В., Лютов В.А. К вопросу о контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, как одном из условий противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. N 4. С. 32 – 35 (дата обращения: 04.02.2026).

13. Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Борьба с коррупцией. Электронный ресурс: <https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-borba-s-korrupsiiei/>. (дата обращения: 06.02.2026).

14. Шустров Д.Г. Теория двуединого предмета конституционного права в свете конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. (дата обращения: 09.02.2026).

15. Шишов М.А. Актуальные вопросы урегулирования конфликта интересов // Административное право и процесс. 2014. №6. С. 64-67. (дата обращения: 07.02.2026).

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207895/ (дата обращения: 09.02.2026).

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. N 20-П. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ (дата обращения: 11.02.2026).

18. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 г. № 1736-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=511644#OYqfzEVCТухSt8jy> (дата обращения: 12.02.2026).

19. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 2905-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=525879#DL6gzEV8KkSsxrlA> (дата обращения: 11.02.2026).

20. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 г. № 666-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-666-o/> (дата обращения: 12.02.2026).

21. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016г. N° 1859-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=478262#g2cgzEva6orFOgUk2> (дата обращения: 10.02.2026).

22. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 г. N° 1480-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=545991#GdlgzEVhV21d1vQM> (дата обращения: 12.02.2026).

23. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. N° 3318- О. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20122018-n-3318-o/> (дата обращения: 12.02.2026).

Об авторе:

ЧУПАНОВ Искандар Юсупжонович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 15.05.2026.

Подписано в печать 22.05.2026.

Подписано к использованию 02.06.2026.

Электронный образовательный ресурс. Заказ № 101.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.